

Толибхон Шахиди

Времени
контрасты

Интервью,
статьи, письма,
фотографии...

Москва,
Издательство "Композитор"
2014

ББК 85.31
Ш 31

Ш 31 Шахиди Т. **Времён контрасты.** Интервью, статьи, письма, фотографии... — М.: Издательство «Композитор», 2014. — 120 с., илл.

Фото на обложке Мехди Бимани

Ш $\frac{4905000000-006}{082(02)-14}$ без объявл.

ISBN 978-5-4254-0070-3

© Шахиди Т., 2014
© Издательство «Композитор», 2014

Фигура Толибхона Шахиди занимает особое место на небосклоне таджикской музыкальной культуры. Сын одного из основателей профессиональной композиторской школы в республике Зиядулло Шахиди, Толибхон получил прекрасное музыкальное образование в Московской консерватории, в классе А.И. Хачатуряна. В его музыке видны наилучшие тенденции взаимопроникновения культур Востока и Запада. Перу композитора принадлежат многочисленные произведения в самых разных жанрах — от камерно-инструментальной до оперно-симфонической музыки. Известен Т. Шахиди и своей киномузыкой. В 70–80-е годы творчество Т. Шахиди, наряду с такими композиторами, как Ф. Бахор, З. Миршакар, Ш. Пулоди, Т. Сатторов, привело к расцвету таджикской композиторской школы.

Вместе с тем композитор известен своей активной деятельностью и гражданской позицией в сфере культуры. После участия в Международном конкурсе современной музыки вместе с А. Чайковским в Нью-Джерси (США), где Т. Шахиди получил вторую премию, он был назначен директором Таджикского государственного академического театра оперы и балета имени С. Айни (1987–1989), а затем заместителем министра культуры республики (1989–1991). Как музыкальный деятель он выступал в качестве организатора ряда фестивалей и концертов, обновлял репертуар театра и всячески старался как можно шире открыть двери республики для знакомства с европейской музыкальной культурой. Когда эти двери закрылись, Толибхон создал свой камерный оркестр и встал за дирижерский пульт, чтобы восполнить недостаток звучания музыкальной классики в стране.

После распада СССР и начала гражданской войны в Таджикистане начинается отток всего цвета таджикской культуры в страны ближнего и дальнего зарубежья. Однако Т. Шахиди мужественно возвращается в разоренную республику и упорно продолжает нести труд своей жизни: сочиняет музыку, находит возможности её исполнить, активно пропагандирует таджикскую музыкальную культуру в стране и за рубежом. Кроме того, композитор часто выступает с мастер-классами в странах Европы и Азии.

Жизнь Толибхона Шахиди полна интереснейших встреч и событий. В настоящем издании личность композитора и музыканта передана в интервью с Т. Шахиди, а также в статьях, эссе, письмах и многочисленных фотографиях.

*Редактор-составитель Лола Джуманова,
кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории музыки
Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского*

«Перебирая чётки памяти...»

Интервью с Толибхоном Шахиди

— Вы выросли в семье известного композитора, одного из основоположников таджикской композиторской школы — Зиядулло Шахиди. С раннего детства Вы оказались в творческой среде, а в доме Вашего отца собиралась культурная элита того времени. Какие самые ранние детские воспоминания сохранились в памяти?

5

— Первое, что всплывает, это 1953 год. Мои родители собрали нас, детей, в маленькой комнате сравнительно небольшого собственного дома и объявили: «Сегодня умер товарищ Сталин!». Все игры во дворе были запрещены, как, впрочем, и всякого рода веселье и крики. Тишина — и только.

Дальше я помню деятелей культуры, которые посещали наш дом и даже останавливались на некоторое время. То были годы расцвета таджикского кино, и мой отец Зиядулло Шахиди был соавтором и консультантом таких известных композиторов, как Андрей Бабаев и Юрий Тер-Осипов. Последний, кстати, был приглашен в Сталинабад по инициативе тогдашнего председателя Союза композиторов Таджикской ССР Зиядулло Шахиди и направлен к нам самим Кара Караевым из Баку, где Юрий Тер-Осипов закончил консерваторию.

Зиядулло Шахиди

Нотки воспоминаний, самые искренние и от души... Мгновения из прошлого, фотовспышки, сновидения, лица, глаза...

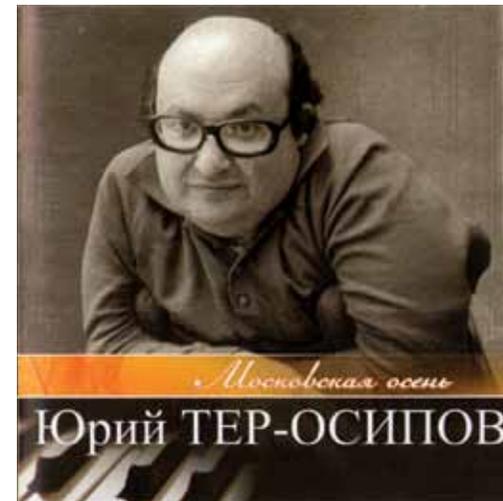
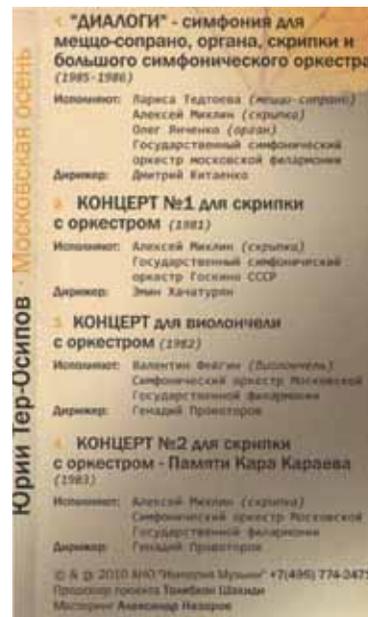

Мархабохон Шахиди

Толибхон

«Меняются дни и ночи, но люди другими не становятся», — сказал кто-то, и его можно понять. А вот Жан-Поль Сартр считал, что «люди меняются, но забывают сказать об этом друг другу». И он тоже прав!..

...Шёл 1961-й год... Всегда с волнением вспоминаю о той эпохе, в которой творили мои учителя, мой отец, его коллеги в филармонии, в музыкальном театре... Когда царили их дивные мелодии! О некоторых дорогих мне людях я еще скажу. А сейчас почему-то вспоминается только одно имя, Юрий Тер-Осипов — учитель и друг, блестящий профессионал, новатор и — душа наших посиделок в чайхане в живописном ущелье «Варзоб» недалеко от Душанбе. Он занимался с нами у себя в квартире, поскольку передвигаться после перенесенного в детстве полиомиелита он мог только в ограниченном пространстве. Когда он садился за рояль, мир вокруг менялся. Мы — его ученики, студенты музыкального училища, впервые услышали и Баха, и Шопена, Прокофьева и Хачатуряна, а его джазовые импровизации на самые разные интонации и ритмы были просто восхитительными. Мы писали свои первые прелюдии или просто пьесы из восьми тактов на примерах Шопена и Скрябина, кто как мог. Постепенно, в течение четырех лет, в процессе обучения, мы обрели необходимые ценные знания для продолжения учебы уже в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, в столицах других республик. Мне удалось попасть на подготови-

Компакт-диск
«Московская осень Юрия Тер-Осипова»,
2010 год

тельный курс Московской консерватории, считаю, именно благодаря Юрию Григорьевичу Тер-Осипову — продолжателю русской и советской композиторской школы. Недавно я с огромным удовольствием собрал записи его сочинений начала 80-х, и мы с сыновьями выпустили компакт-диск «“Московская осень” композитора Ю.Г. Тер-Осипова»...

Общение с этим гениальным композитором и святым для меня человеком всегда было необходимо и ценно!

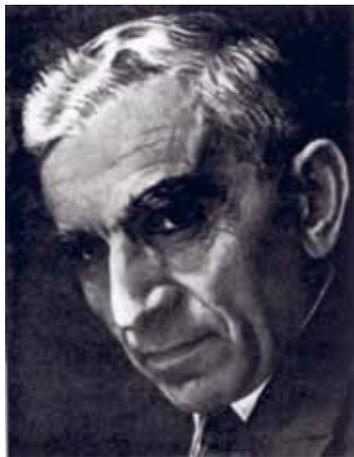
— Тепло и уют домашнего очага — заслуга женщины, хранительницы этого очага. Какова её роль в Вашем становлении?

— Моя мама — Мархабохон — ушла из жизни 17 августа 2012-го. Её служение ближнему было священным действием. Я ощущал это все свои 66 лет, но особенно мне запомнились годы моей учебы в Москве. Поступив в 1965 году на подготовительные курсы в Московскую государственную консерваторию, я уехал из Душанбе, а мама устроилась работать, чтобы каждый месяц присылать мне свою «стипендию». Жил я в общежитии на Малой Грузинской, куда она умудрялась присылать приготовленные ею национальные блюда: плов и манты, причем почти в горячем виде. То есть если кто-то из родственников летел в командировку, то непременно из аэропорта приезжал прямо к нам на Малую Грузинскую с огромным свертком яств...

Она скончалась в последнюю пятницу священного месяца рамадан, что, по нашим традициям, считается прямым уходом в рай. Без предварительного «допроса»! Да, но... можно ли оправдать смерть? Наверное, нет. Так же как и бессмертие...

«Adagio existence» для струнных я написал за несколько месяцев до её кончины, оно явилось предчувствием этой утраты.

— Отец и Юрий Тер-Осипов сделали в Душанбе всё, чтобы научить Вас азам профессии. А дальше была учеба в Московской консерватории...

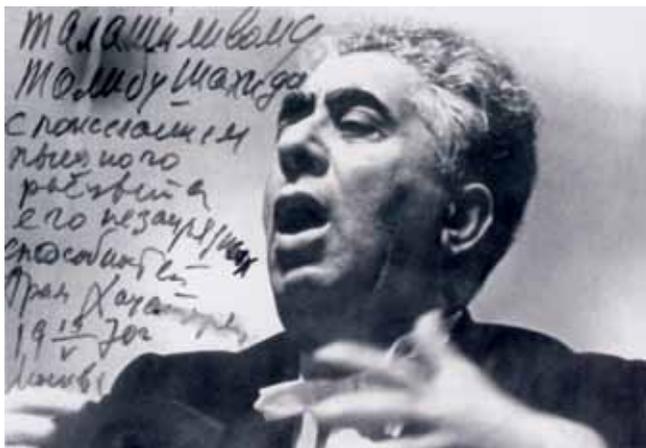

Сергей Баласанян

В 1965-м в Московской консерватории всё началось с Сергея Артемьевича Баласаняна. Строгий и очень требовательный педагог. Прошло уже много лет, я действительно многому у него научился, и, может быть, даже помимо своей воли, поскольку мне с ним было очень трудно. Мне казалось, что я всё знаю: как писать мелодии, гармонизовать их — в общем «законченный композитор»...

Андрей Яковлевич Эшпай. Это бурные музыкальные фантазии, свобода мысли, чувств, красивые, импозантные формообразования в импровизациях и... требование уверенности в себе!..

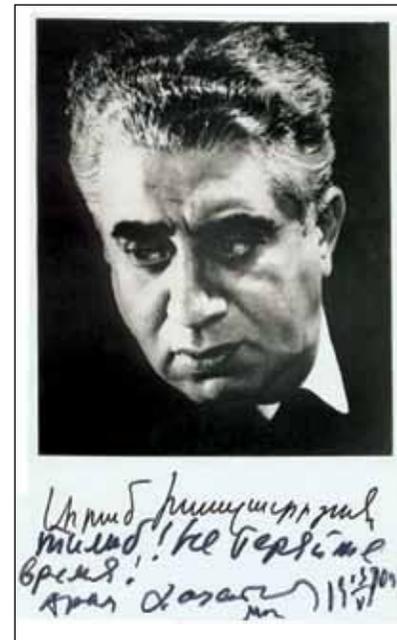
...1967–1972 годы. Класс великого Арама Ильича Хачатуряна. Он входил и сразу «побеждал» — своим уверенным шагом, улыб-

А. Хачатурян
(с надписью
Толибу Шахиди)

кой, доброжелательностью... Затем начиналось действие: все сидели у рояля и слушали замечания и пожелания классика XX века своим ученикам. Проходил час, другой, третий, и если у него репетиция в этот день в Большом зале консерватории, то все мы направлялись туда, а там уже его и Игоря Ойстраха ждал Госоркестр... Как можно всё это забыть и представить себе такое в наши дни?

Кстати, еще немного об учителях. Николай Раков, наш педагог по инструментовке, был очень своеобразным человеком. Он, к примеру, никогда не открывал дверь класса за ручку, а просто двумя руками буквально отгаскивал дверь за рамку сверху и затем свободно входил... К тому же попробуйте

Арам Хачатурян:
«Толиб, не теряйте время!»

А. Хачатурян с учениками в 35-м классе МГК.
Слева направо: А. Хачатурян, А. Рыбников, Г. Пецелис, М. Минков, Т. Шахиди

Николай Раков, 1970 год

чихнуть во время его урока — он запросто отправит вас домой: «Иди и лечись!». А если это случится в день экзамена, «зачет» вам гарантирован! Тем не менее, педагог он был выдающийся. Мы у него узнали, что такое оркестр, а его задачки-упражнения стали основой, фундаментом наших будущих партитур. Во всяком случае, я знаю это по собственным сочинениям...

Еще один замечательный педагог — Юрий Николаевич Холопов, он вел у нас анализ форм. Этот предмет в его классе был всегда интересным и «оживленным». Он внимательно слушал наши пространственные рассуждения

по анализу того или иного произведения из классики, при этом подробно записывая наши попытки объяснить свое видение формы и содержания.

А вот Борис Константинович Алексеев, преподаватель сольфеджио, был очень строгим и требовательным. Приглашая к роялю, за которым мы должны были исполнить задание — один голос спеть, другой наиграть на инструменте — он говорил мне: «Шах! Иди!». А друзья-однокурсники потом взяли на вооружение эту импровизацию на мою фамилию...

Ну и совершенно неожиданный, своеобразный и строгий преподаватель нашего тогдашнего времени — Семён Хаскевич Раппопорт, его предмет — «Исторический материализм», в рамках которого мы окунулись в философию экзистенциализма... Лично для меня было весьма интересным познать это направление философии существования... Открыть и Альбера Камю, Симону Бовуар, Кьеркегора, и самого известного философа-экзистенциалиста Жана-Поля Сартра. Теперь я подумываю, что и Хайям, и Шекспир, и Бах в исполнении Рихтера... Малер и Караян, Рахманинов и Набоков с его «Приглашением на казнь»... Всё великое — это есть философия существования... Так что вернемся к музыке...

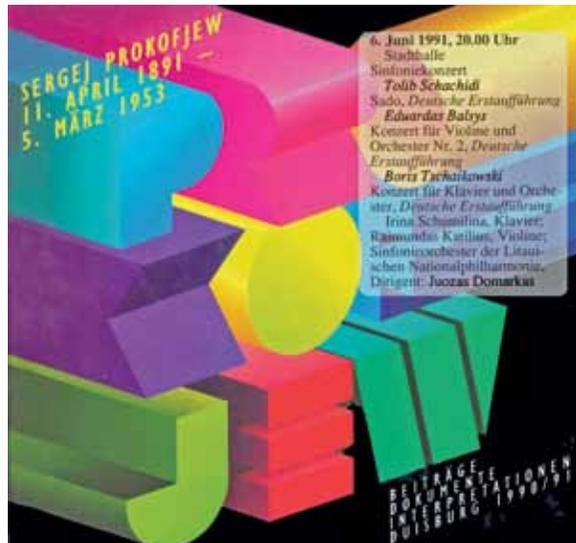
С Кареном Хачатуряном

— Среди тех, кого Вы называете учителями, было еще одно имя — Карэн Суменович Хачатурян...

— Не так давно мы отмечали в Союзе композиторов России 90-летний юбилей Карэна Хачатуряна. Председатель Союза Композиторов России Владислав Казенин, подняв тост за юбиляра, произнес: «Хорошо пошла!». На что Карэн Суменович, опрокинув свою рюмку водки, заметил: «Как домой!». Это было скромное застолье, на котором было сказано много теплых слов в адрес замечательного композитора, педагога и друга. Мы разошлись, пожелав увидеться и отметить его 100-летний юбилей...

Затем я встретился с ним 26 марта 2011 года на вечере памяти Арама Ильича Хачатуряна в Белом зале консерватории. Были и Кирилл Волков, Алексей Рыбников, Александр Чайковский, студенты и преподаватели Московской консерватории. Карэн Суменович после завершения небольшого концерта из произведений Арама Ильича Хачатуряна, попрощавшись с нами, уехал домой (легко сказать «уехал», это в его-то 90 лет!)...

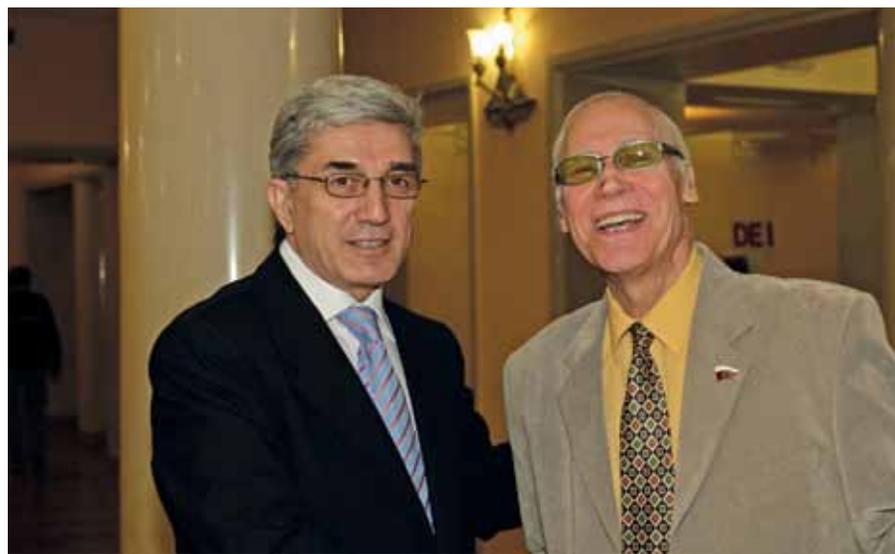
...Да! А в июле этого же года его не стало... Это был замечательный композитор и человек, захвативший несколько ЭПОХ мировой и советской музыки. Он встречался и беседовал с Игорем Стравинским, Сергеем Прокофьевым, Дмитрием Шостаковичем. В 1991 году в Германии нам довелось участвовать в Международном фестивале музыки, посвященном 100-летию Сергея Прокофьева. Мы летели в Дюссельдорф втроем: Карэн Хачатурян, Андрей Эшпай и я. Для меня это событие было неожиданным сюрпризом, хотя потом уже и стимулом для дальнейшей работы.

Международный фестиваль музыки, посвященный 100-летию С. Прокофьева. Дюссельдорф — Дуйсбург, Германия; 1991 год

— Вам посчастливилось работать со многими известными исполнителями. Но, думаю, среди них есть те, кто не только исполнял Ваши произведения, но и вводил их в репертуар. Я имею в виду Александра Васильевича Корнеева...

— Да, его называли «золотой флейтой России»! То, что он сделал с «Речитативами Руми», сюитой для флейты и фортепиано, это просто фантастика! Во всяком случае, он перевернул мое представ-

С Александром Корнеевым на авторском концерте, 2006 год

Леонарда Бруштейн, Талиб Шахиди, Лидия Давыдова на первом авторском вечере композитора в Малом зале Московской консерватории, 28 марта 1981 года

ление о флейте начисто! Здесь духовное величие звука, мелодии, мистерия танца и просто отношение к авторскому замыслу, и ему мастерски аккомпанировал пианист Михаил Мунтян. А было это исполнение в начале 80-х годов прошлого века, на моем первом авторском концерте в Москве, в Малом зале консерватории, на котором Александр Васильевич выступал и как дирижер, и как исполнитель. В тот же вечер великолепно выступила и Лидия Давыдова, исполнившая на языке оригинала мой вокальный цикл «Поэма странствий» на слова Омара Хайяма, Лоика Шерали.

Главный дирижер ГАБТа Марк Эрмлер, 1975 год

...1974–1975 годы. Всесоюзный дом радио, Симфонический оркестр Большого театра СССР. Дирижер Фуат Мансуров некоторое время назад отказался записывать фрагменты моего балета «Спитамен»: он просто ушел из студии — и всё...

А потом случилось так, что свое согласие осуществить эту запись дал выдающийся уже тогда мастер — главный дирижер Большого театра Марк Эрмлер.

Ф. Бахор, Э. Хагагортян, Т. и Г. Шахиди
на концерте пленума Союза композиторов СССР.

Эдуард Арамович Хагагортян — выдающийся композитор, учитель и друг молодого поколения таджикских композиторов

И это было потрясающе! Сожалею лишь о том, что у нас не сохранились фотоматериалы того времени.

...1976-й. Международный фестиваль современной музыки. Джансунг Кахидзе дирижирует Государственным симфоническим оркестром. Первое исполнение поэмы «Празднество» в Большом зале Московской консерватории. Прекрасный мастер, обаятельнейший человек, с которым мы очень тепло пообщались во время репетиций и потом на банкете в СК СССР.

Примерно в те же годы мы с моим отцом в соавторстве пишем музыку к шестисерийному телевизионному фильму «Кто был ничем, тот станет всем» по роману Садриддина Айни «Рабы».

Да, мои родители уроженцы города Самарканда и выросли в том историческом периоде становления советской власти, которое разворачивается в этом сериале. Хочу отметить, что отец мой очень хорошо знал таджикско-персидскую поэзию, которая была основой мелодий старинных макамов, и эти интонации сформировали эстетику его музыкального мышления на всю жизнь. Песни и романсы З. Шахиди на слова Хафиза, Саади, Джами Рудаки и его опера «Комде и Мадан» по одноименной поэме Бедиля — это непо-

Зиядулло Шахиди, Толиб Шахиди, кинорежиссёр Тохир Сабиров
и монтажер Ел. Баженова на записи музыки к телевизионному фильму
«Кто был ничем, тот станет всем», 1974 год

вторимый сплав интонаций старинных макамов и глубокой философии персидской поэзии в новейшей таджикской музыкальной истории XX века. В одном из своих последних сочинений, названном «Симфония макамов», он решил использовать форму старинного лада, в котором разворачивались суть и содержание исторических страниц древних городов Бухары и Самарканда. Здесь я был его редактором оркестровых приемов и гармонических преобразований удивительных мелодий, которые звучали в его импровизациях на различных национальных инструментах.

Эта симфония была исполнена Симфоническим оркестром Гостелерадио СССР под руководством Максима Шостаковича в конце 70-х на одном из пленумов СК СССР в Москве,

Зиядулло Шахиди
и Тихон Хренников
на концерте, посвященном
70-летию З. Шахиди
в Концертном зале СК СССР

3. Шахиди, Т. Шахиди с Максимом Шостаковичем на репетиции

в Концертном зале имени П.И. Чайковского. Потом — и на авторском концерте в 1984 году в Большом зале Дома композиторов, посвященном 70-летию композитора, где его приветствовал Тихон Николаевич Хренников.

Кстати, еще несколько слов о поэзии. Отец как-то увидел на моем рабочем столе сонет Пушкина «Поэту»: «Поэт не дорожи любовью народной, восторженных похвал пройдет минутный шум, ты сам свой высший суд...». И уже на следующий день прочитал нам свой перевод на таджикско-персидский.

Я хорошо помню, как на очередном фестивале советской музыки теперь уже в Самарканде в 1978 году прозвучала моя Вторая симфония «Таджики» по прочтению книги академика Б. Гафурова, дирижер — народный артист Узбекистана Захид Хакназаров. Позднее он записал нашу первую пластинку с фрагментами балетов «Спитамен», «Рубаи Хайяма» и Второй симфонией. Мне было очень интересно работать с ним и коллективом Симфонического оркестра Узбекской филармонии.

В те же годы совершенно незабываемо и оригинально был поставлен мой первый балет «Смерть ростовщика» по одноименной повести Садриддина Айни. Хореограф Сталина Азаматова, художник-постановщик Владимир Серебровский, дирижер Ибодулло Абдуллаев. Этот спектакль в определенном смысле стал прорывом в нашем музыкальном театре. Кстати, они же — постановщики балетов «Горная легенда», «Малыш и Карлсон» Ю. Тер-Осипова.

В 1984 году я написал симфоническую поэму «Садо». И мировая премьера этого сочинения прозвучала на Международном фестивале музыки в Алма-Ате в исполнении БСО имени П.И. Чайковского под управлением Леонида Николаева — великолепного мастера, к сожалению, очень рано ушедшего из жизни.

Там же мы увиделись с Валерием Гергиевым, с которым встречались раньше в Москве. Услышав в Алма-Ате «Садо», он предложил мне как-нибудь исполнить это сочинение. И это случилось в 1987 году на Международном фестивале музыки в Большом зале Московской консерватории и позже на открытии Фестиваля советской музыки во Франции, в городе Рур.

Должен сказать, что всё это не только личные творческие взаимоотношения, но и очень позитивная и благоприятная атмосфера Секретариата СК СССР, в составе которого были в разные времена такие корифеи советской музыки, как Дмитрий Шостакович, Арам Хачатурян, Тихон Хренников, Георгий Свиридов, Родион Щедрин, Карэн Хачатурян, Андрей Эшпай, Борис Чайковский, Кара Караев. Понятно, что всё происходящее в истории человечества или в историях культуры всегда противоречиво, но, возможно, именно и в этом смысл... Ведь мы, тогда совсем молодые композиторы, исполнялись наряду с именами мировой музыки, кто-то в первый и последний раз, кто-то старался искать себя, свое лицо, смысл жизни... и старался самоутвердиться в избранном пути.

А. Гейвандов, В. Серебровский, Ю. Тер-Осипов, С. Азаматова, И. Абдуллаев

Г. Бузоглы, В. Полинский, А. Григорьева, С. Бирюков
на прослушивании симфонической поэмы «Садо».
За роялем — Т. Шахиди. 1984 год

Как правило, съезды, пленумы и фестивали советской музыки — это неперенное участие ведущих симфонических оркестров и широко известных в мире музыки дирижеров и солистов.

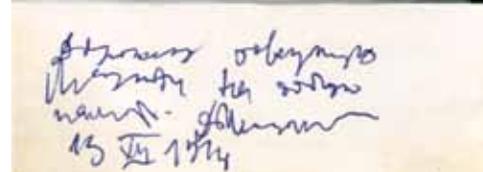
Всегда с огромной благодарностью вспоминаю исполнение моих симфонических поэм «Празднество» Дмитрием Китаенко и

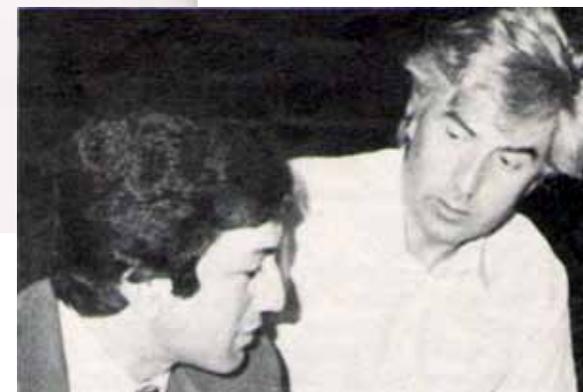
С. А. Хачатуряном на V съезде композиторов СССР, 1974 год

Д. Шостакович,
13 декабря 1974 года
(книжка с автографом)

Программа концерта
на Международном
музыкальном фестивале,
дирижёр Дмитрий Китаенко.
Москва, 1976 г.

Т. Шахиди
и Дм. Китаенко,
1976 год

Таджикский государственный академический театр оперы и балета имени С. Айни. Возведен в годы войны 1941–1945 годов по проекту ленинградских архитекторов

«Садо» Василием Синайским... Пожалуй, это были годы бурного развития, своего рода кульминация развития, многонациональной советской музыки. Но... нам всем разрешили «взять столько независимости, сколько мы хотим» и вариться в собственном соку...

— Расскажите о Вашей работе с В.А. Чайковским.

— На киностудии «Таджикфильм» в 70-е годы я был членом редакционной коллегии и, воспользовавшись случаем, подал заявку на создание фильма-балета «Рубай Хайяма» с участием народной артистки СССР Малики Сабировой в главной роли Ситоры и народного артиста России Вадима Тедеева в роли Хайяма. Автором сценария выступил Владимир Чайковский. Меня с ним по-

Ирина Каткасова,
сцена из балета
«Иосиф Прекрасный»

знакомил Карэн Хачатурян — случилось это в кафе СК СССР за чашкой кофе с непременным... коньяком, именно армянским. Позднее Владимир Александрович написал либретто к моим детским операм «Калиф-Аист» и «Карлик-нос» по сказкам Вильгельма Гауфа, и уже в начале 90-х мы завершили этот спонтанный цикл оперой «Красавица и Чудовище» по сказке Уолта Диснея. И всё это, представьте себе, было поставлено на сцене Таджикского государственного академического театра оперы и балета имени Садриддина Айни... Общение с Владимиром Александровичем было чрезвычайно интересным и полезным во всех смыслах. Он ведь был когда-то директором Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко.

— 70–80-е годы оказались для Вас очень плодотворными...

— Потом последовали новые постановки музыкальных спектаклей в Душанбе: опера «Хранительница огня», которую мы начали писать с отцом (он, к сожалению, ушел из жизни в феврале

После премьеры оперы «Хранительница огня», 1986 год

Сцена из балета «Смерть ростовщика», 1978 год

1985 года), и балет «Юсуф и Зулейха» («Иосиф Прекрасный»). Автор либретто и постановщик Сталина Азаматова. С огромным интересом я работал и над музыкой к трагедиям Шекспира «Король Лир», «Ромео и Джульетта», «Кабала святош» Мольера, «Царь Эдип» Софокла, «Shoh Faridun» Фирдоуси, кантатой «Авиценна» с поэтом Мумином Каноатом.

Толиб Шахиди и народный поэт СССР Мумин Каноат у памятника истории М. Горькому и С. Айни... Беседы о прошлом. Душанбе, 2009 год. Фото Мехди Бимани

Толиб и Гульсифат
Шахиди,
1975 год

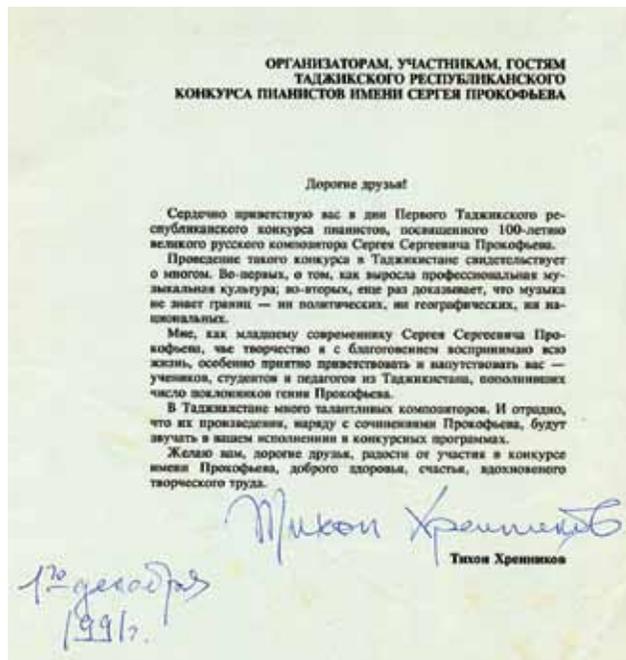

Незабываемы моменты наших творческих поисков с режиссерами Фаррухом Касымовым и Хашимом Гадоевым останутся в моей памяти навсегда.

— Как отразился на Вас период развала СССР и обретение бывшими республиками «независимости»?

— К великому сожалению, в моей «независимой» республике разразилась гражданская война со всеми неизбежными последствиями. Очень многие мои соотечественники покидают республику. Я с семьей на время вылетаю в Москву, в Дом творчества Союза композиторов, где мы в итоге пробыли два месяца и вновь возвратились в очень беспокойный Душанбе. Страшно вспомнить. Фирдавс был совсем маленький, а я уезжал на свои премьеры и фестивали, оставляя их одних в беспокойные годы войны в моей стране, в моем городе... Я бесконечно благодарен своей жене Гульсифат за ее терпение! Она всегда была опорой во всех жизненных ситуациях, позволяла быть спокойным и уверенным в себе.

Да, были интересные творческие встречи и в дальнейшем, и в ближнем зарубежье; были исполнения сочинений выдающимися оркестрами и дирижерами бывшего Союза. Ну и что?! Так я вопрошаю сегодня. А тогда... Несмотря ни на что, просто летал на крыльях «своего» времени... и композиторских амбиций!.. Распад того культурного пространства, в котором мы все пребывали, совпал с проведением Республиканского конкурса пианистов, посвященного 100-летию Сергея Прокофьева, и прошел он при поддержке СК СССР, — это было незабываемо!..

Письмо
Тихона Хренникова
организаторам
Конкурса пианистов
к 100-летию
С. Прокофьева
в Душанбе, 1991 год

Прошло 20 лет, и сегодня я вспоминаю о том военном времени обрывочно, напряженно, хотя и с какой-то светлой грустью. Ведь именно в 1992-м мы поставили одноактный балет «Сиявшу» под фонограмму записанной много лет назад музыки. А камерный оркестр «Гармония мира», или «Harmonia mundi», собранный нами, давал концерты из мировой классики. Потом я стал выезжать на различные международные фестивали, и в Алма-Ате на одном из концертов встретился с Джимми Картером, бывшим президентом США, который на моей партитуре оставил такой автограф: «Я буду молиться за мир на вашей родной земле. 1994 год».

— К тому времени у вас была своя семья, дети...

Я женился в 1974 году и приехал, разумеется, в Москву вместе с Гульсифат. У Дома композиторов мы встретили Арама Ильича, который садился в свой шикарный автомобиль Бьюик. Он пригласил нас сесть в машину и рассказал очень интересный эпизод: «Эту машину мне подарили в США, но, когда она прибыла в СССР, на таможене мне предъявили счет на сумму, которая превышала несколько моих крупных гонораров... я, конечно, не долго думая, позвонил, как вы думаете, кому?.. Самому Алексею Косыгину! И проблема была решена мгновенно!». Потом мы вышли из машины, Арам

После записи в кабинете Валерия Гергиева в Мариинском театре с сыновьями

Наши внуки Тимур
и Анаис

Ильич душевно пожелал нам счастливой жизни и добавил, глядя на Гульсифат: «Быть женой композитора — это значит всю жизнь ходить с петлёй на шее!..».

В связи с этим скажу ещё об одной истории. В те годы Арам Ильич вместе с другими деятелями культуры и политики получил свой... пятый орден Ленина. Среди награжденных был и наш первый секретарь Джабар Расулов. Я попросил своего учителя написать ему письмо, чтобы нам дали квартиру, что он и сделал. И мы получили ее через некоторое время. Позднее Арам Ильич сказал мне: «...Знаешь, если бы я к нему обратился “Уважаемый Джабар

Родион Щедрин, Майя Плисецкая, Игорь Фёдоров, Толиб, Гульсифат, Фирдавс и Хофиз Шахиди

Расулович” — ты бы не получил квартиру. Но я написал иначе, а именно “Дорогой Джабар!”».

У нас трое сыновей Табриз, Хофиз и Фирдавс. Они всегда стремятся что-то для меня организовать. Это и авторские концерты, издание книжек, CD, DVD, различные творческие встречи, поездки... 14 марта 2011 года в Санкт-Петербурге, после записи моих сочинений Мариинским оркестром, мы встретились с Родионом Щедриным и Майей Плисецкой, которая сказала моей жене: «Как хорошо, что у вас есть сыновья!».

В августе 2011 года в Душанбе праздновали 20-летие Независимости Республики. Торжества были грандиозными. Меня никуда не пригласили, но я искренне порадовался за тех моих соотечественников, которые были из других стран, и которые покинули родные края в начале 90-х, — они были встречены с почетом и награждены различными медалями... А встреча с ними вне официальных мероприятий — тоже награда....

Один прохожий, видимо, гость издалека, увидев мою седую голову, произнес: «Таджикистан сейчас похож на проутюженный Афганистан...». Я пытался объяснить и рассказать ему на своем плохом английском, что это не так, что у нас есть музеи, театры, музыкальные фестивали и много успешных деяний и в экономике, и в политике... Но он, махнув рукой, с улыбкой ушел в сторону автомобиля, который его ожидал...

— *Заслуги перед Отечеством не имеют срока давности... Ну, а какая же нынешняя молодежь Таджикистана?*

— В ноябре 2011-го мы снова приехали к Фирдавсу в Лондон. Программа нашего пребывания всегда заполнена посещениями концертов и музеев. Должен заметить, что там я чаще встречаюсь с Валерием Гергиевым на его концертах. Однажды с земляками и друзьями Фирдавса мы посетили выставку фотографий из Таджикистана в одном из не очень привлекательных районов Лондона и затем с удовольствием попили чай в турецком ресторане. Меня удивила современная таджикская молодежь. Все ребята подобрались успешные, грамотные, интеллектуально развитые. Они весьма заинтересованно говорили о своих попытках помогать молодому поколению своей страны. Познакомившись поближе, мы шутили, рассказывали друг другу веселые истории и анекдоты. В свою очередь, я вспомнил рассказанный мне накануне сон своей жены Гульсифат. «Представляешь, снится мне сон, будто встретила я своих бывших сослуживцев по телерадиокомпании “Мир” и решила пригласить их на обед в ресторан. Мы хорошо посидели, вспомнили былое, но, когда пришло время расплачиваться за столик, я обнаружила, что в моем кошельке нет денег, и в этот момент ты меня разбудил!» На что я ответил: «Вот видишь, зато бесплатно пообедали!».

— *Никакие обстоятельства никогда не влияли на Ваше творчество и деятельность. Все эти годы Вы сочиняете, исполняете, даёте мастер-классы, преподаёте и активно посещаете концерты...*

— В 2006 году в Санкт-Петербурге на Международном фестивале современной музыки «От авангарда до наших дней», посвященном 100-летию Дмитрия Шостаковича, было исполнено моё Concerto grosso № 4 для струнного оркестра. Но увы! Я, к сожалению, был разочарован тем, что услышал! Да и критики затем подлили масла в огонь, написав, что лучше бы прозвучала моя увертюра... «XXV съезду КПСС!» И были правы. Я всегда стремился исполнять новые сочинения, поскольку конкретные даты дисциплинируют и стимулируют завершить написание того или иного опуса вовремя. А теперь надо исполнять и забытое старое: оно, оказывается, звучит сегодня совсем по-другому...

Так, в 1996 году на этом же фестивале неплохо прозвучала поэма «Садо» в Санкт-Петербургской филармонии, дирижер Арнольд Кац — мастер из последних могикан. Мой первый после СССР ав-

Первый международный фестиваль музыки «От авангарда до наших дней» в Санкт-Петербурге

торский вечер в Москве состоялся в 1999 году, в Большом зале Московской консерватории с участием симфонического оркестра Госкино России под руководством Сергея Скрипки. «Добро вам» вокальный цикл на слова Хафиза, Гёте и Пушкина прозвучали в исполнении солиста Большого театра Андрея Дунаева, а Каприччио для саксофона и камерного оркестра исполнил замечательный музыкант из Парижа Пьер Стефан Меже. А в Душанбе в то же примерно

время состоялась премьера оперы «Амир Исмаил», в которой я намеренно и от души использовал прекрасные темы своего отца из его песен и романсов. Режиссёром-постановщиком оригинально выступил Барзу Абдуразаков, ранее не ставивший оперные спектакли.

Опера для детей «Волшебные яблоки» по одноименной английской народной сказке — это последняя

Опера-сказка «Волшебные яблоки», 2008 год

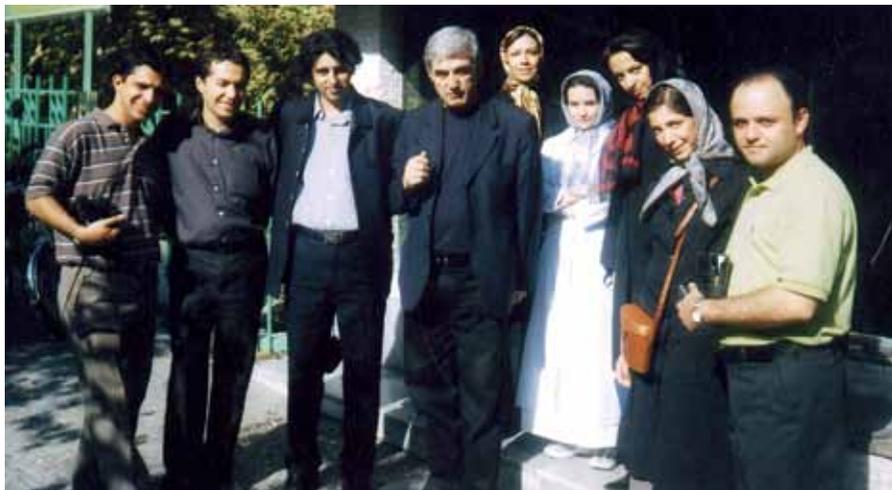

Премьера оперы «Амир Исмаил» на сцене Таджикского государственного академического театра оперы и балета имени С. Айни. Душанбе, 1999 год

по времени работа для нашего театра в Душанбе была поставлена в 2008 году. Я с удовольствием осуществил постановку и даже дирижировал единственной, но очень веселой премьерой. Либретто оперы написал Сергей Арзуманов, пианист и поэт, который вот уже много лет живет в США. Великолепный музыкант и человек, он родился и состоялся в Душанбе, а в Штаты уехал в конце 80-х. Мы виделись с ним в 2002 году в Нью-Йорке, куда я приехал на фестиваль «Шелковый путь» по приглашению выдающегося виолончелиста нашего времени Йо-Йо Ма.

Нулевые годы этого века начались в США. Мы с музыкантом Абдували Абдурашидовым были приглашены на международный фестиваль музыки в Бостон и Тангелвуд, где исполнили септет «Танцы сновидений на Шелковом пути». Руководителем нашим был Йо-Йо Ма. Это были насыщенные, событийные дни общения с композиторами и исполнителями разных стран, которые продолжились потом в Китае и в республиках Центральной Азии. Далее как бы продолжая «свой» уже «Шелковый путь», я стал преподавать в Университете изящных искусств в Тегеране. Мои студенты прекрасно владели мугамными традициями, своеобразно импро-

С выпускниками-композиторами Университета изящных искусств.
Класс Т. Шахиди. Тегеран, 2005 год

визируя на рояле, а также впервые в практике университета показывая свои сочинения на отчетных концертах моего класса по композиции. Еще я имел договоренность давать концерты, дирижировать симфоническим оркестром, в программах которого звучала и мировая классика. Концертный зал «Вахдат», что в переводе означает единство, был всегда полным; приходили семьями, и женщины и дети слушали затаив дыхание... А перед началом концерта, если кому-то не доставалось билета, выражали администрации бурное недовольство.

— *Затем Вы, кажется, продолжили контакты с музыкантами иранского происхождения уже в Европе, а точнее, в Австрии?*

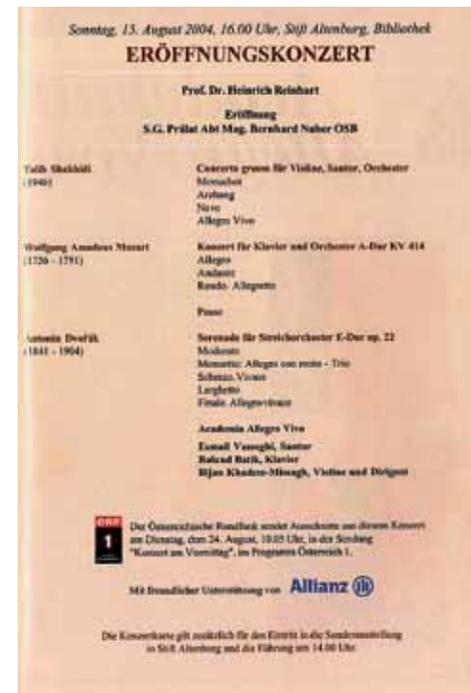
— Да! Концерто гротто № 3 для скрипки, сантура и камерного оркестра было написано для Меж-

Исполнители
Концерто гротто № 3 для
скрипки, сантура
и камерного оркестра
на Международном фестивале
музыки «Allegro vivo».
Австрия, 2004 год

Премьера в Австрии.
Программа концерта

дународного музыкального фестиваля «Allegro vivo», который проходил в Австрии, в городах Хорне и Альденбурге по просьбе главного дирижера, блестящего скрипача иранского происхождения Бежана Хадема Мисака. Кажется, мы были довольны нашей совместной премьерой, а мой опыт работы с иранским фольклором очень пригодился в процессе сочинения этого концерта. Соло на сантуре прозвучало виртуозно и убедительно в исполнении австрийского музыканта Исмаила Васехи.

Неожиданным и очень приятным было приглашение в 2003 году принять участие на фестивале современной музыки «Ростовские премьеры». Одним из организаторов этого музыкального марафона был замечательный композитор Геннадий Толстенко. Мы отправились в Ростов-на-Дону с одним из моих очень уважаемых высококвалифицированных мною композиторов XX века Романом Леденёвым. Поехали мы поездом, интересно беседуя... в контрапункте с полиритмией колёс...

«Ростовские премьеры».
Буклет и программа концерта

Г. Канчели, Ю. Фалик, Р. Леденёв, Т. Шахиди, Л. Клиничев на Международном фестивале современной музыки «Ростовские премьеры», 2003 год

О. Галахов, К. Хачатурян, А. Эшпай, Р. Леденёв на авторском юбилейном вечере Т. Шахиди в Концертном зале имени П.И. Чайковского, 3 июня 2006 года

Незабываемы встречи тех лет с Патрицией Грин (Patricia Green) — сопрано из США, и Стевардом Ховом (Stewart Howe) — тенором из Канады. Это было на репетициях в Торонто и затем на исполнении кантаты «Garmonia Mundi» в Хайфе, дирижёр Стэнли Спербер.

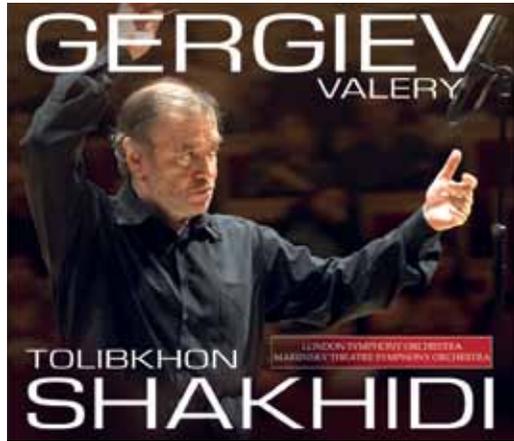
В 2006-м состоялся мой авторский вечер в Концертном зале имени П.И. Чайковского с участием Государственного симфонического оркестра имени Евгения Светланова под управлением Александра Слущкого, солистов мирового масштаба Хиблы Герзмавы и Екатерины Мечетиной...

...Потом я с огромным желанием готовился и писал новые сочинения для программы творческого вечера в Малом зале Московской консерватории, который состоялся в 2008 году.

...2009–2010-е — очень трудные годы, связанные со здоровьем, о котором, как правило, задумываешься слишком поздно. А случилось вот что. Я обещал написать Концерт для кларнета с оркестром для Игоря Фёдорова, когда, как мне казалось, был полон сил, а в самый разгар работы вдруг плохо себя почувствовал... А ведь премьера неминуемо приближалась! Она была намечена на апрель 2010-го. Что делать? Хоть всё отменяй! И всё же я не мог подвести Игоря... Исполнение, хоть и с трудом, слава Богу, состоялась в срок, в Екатеринбурге, на Международном фестивале «Симфонический форум России», солист Игорь Фёдоров и симфонический оркестр Омской филармонии с маэстро Дмитрием Васильевым были на высоте, а я — в шоке от потрясающего мастерства и прочтения моей партитуры!..

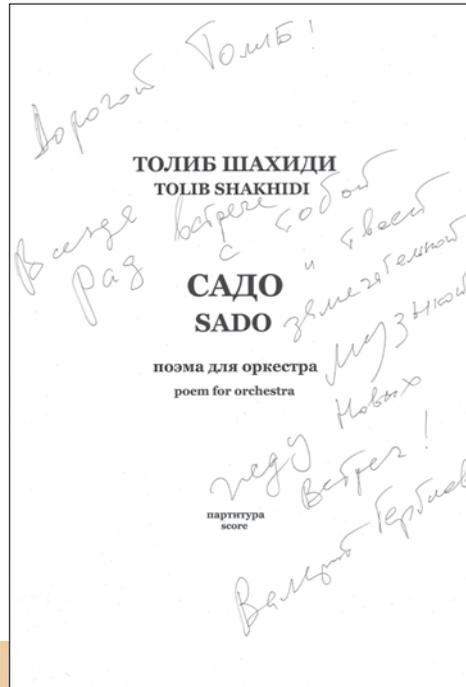

Участники авторского концерта Т. Шахиди в Малом зале Московской консерватории, 31 октября 2008 года

CD: В. Гергиев, Т. Шахиди.
Симфонические произведения

После записи в Лондоне.
Надпись на партитуре «Садо»

В. Гергиев и Т. Шахиди. В процессе записи
с Лондонским симфоническим оркестром, июль 2010 год

В том же году мы провели с Валерием Гергиевым запись для нового моего авторского CD с Лондонским симфоническим оркестром музыки из балетов «Рубай Хайяма», «Сиявуш», «Смерть ростовщика», симфонической поэмы «Садо». И продолжили уже в Санкт-Петербурге с оркестром Мариинского театра, где записали

С Сергеем Скрипкой на репетиции перед записью
в «Мосфильме»

Концерт для кларнета с оркестром, симфоническую картину «Дариус» и «Торжественный марш». Конечно, встреча с такими коллективами обязывала ко многому, быть предельно собранным и внимательным... но Гергиев есть Гергиев!!! И этим всё сказано.

...А 19 марта 2012 года я с огромным удовольствием поработал с замечательным дирижером и музыкантом, художественным руководителем Симфонического оркестра Госкино России Сергеем Скрипкой, с которым мы много лет назад, еще в советскую эпоху, записывали музыку к фильмам.

Теперь же — снова на «Мосфильме» — записывали Увертюру для симфонического оркестра, фонограмму песни Зиядулло Шахиди «Ситораи ман» и «Adagio existence» — моё новое сочинение для струнного оркестра — посвящение маме. Я всегда буду помнить о наших творческих контактах и надеяться на будущие встречи, поскольку работать с Сергеем Ивановичем очень легко и чрезвычайно интересно!

...2012-й. Оркестр «Amadeus», Великобритания. Несколько приглашенных композиторов, в том числе и я, сделали свою оркестровку «Картинок с выставки» Мусоргского. Концерты состоялись 19 и 20 июля в графствах Экзетери и Уэльсе, в потрясающих кафедральных соборах, в исполнении симфонического оркестра «Амадеус», дирижер Филип Макензи. Я с огромным интересом оркестровал 1-й «Promenad» и «Старый замок». В программе вечеров прозвучали также мои симфонические танцы из балетов «Смерть ростовщика», «Рубай Хайяма», «Сиявуш», мировая премьера симфонической картины «Дариус» и в заключении «Торжественный

Филип Макензи, дирижёр симфонического оркестра «Амадеус», Великобритания

Концерты в Великобритании

36

Т. Шахиди с композиторами Великобритании — авторами новой оркестровки «Картинок с выставки» М. Мусоргского. Первое исполнение — в Кафедральных соборах Экзетери и Уэльса, июль 2012 года

Вре́мён контрасты. Интервью, статьи, письма, фотография

Концерты с оркестром «Амадеус», дирижёр Филип Макензи. Толиб Шахиди в Кафедральном соборе графства Экзетери. Великобритания, 2012 год

37

марш». В целом всё звучало сильно, эффектно, и мне было очень интересно послушать нашу версию оркестровок «Картинок с выставки» после великолепного Мориса Равеля!

— Кого из тех, с кем свела судьба, вспоминаете чаще всего?

— Перебирая «чётки памяти», хочу вспомнить и моих душанбинских коллег, с которыми я работал в разные годы... Это дирижеры Ибодулло Абдуллаев, Азиз Ниезмамадов, Берон Меробов, хормейстер Холмамад Маджидов, артисты оркестра, скрипачи Исмаат Саидов, Анвар Шоймурадов, режиссер-постановщик моих опер Шамси Низамов и писатель-драматург Нур Табаров. Они всегда были искренни и дружелюбны, помогая мне буквально во всём во время постановок музыкальных спектаклей.

...Недавно я еще раз убедился в высоком даровании нашего соотечественника — композитора Бенджамин Юсупова. Он уже много лет проживает в Израиле, но гастролирует как дирижер и композитор во многих странах мира. Мы с ним встретились в Ментоне,

На Вечере
фортепианной
музыки.
Исполняет
Дильбар
Хакимова

во Франции, где в нескольких городах он начинал свои концерты моим «Торжественным маршем», и его студенческий оркестр звучал по-молодежному здорово!

А как не назвать московских музыкантов?! Это великолепные пианисты Лариса Шиловская и Михаил Мунтян, Алексей Сканави, солист оперы — замечательный тенор Андрей Дунаев, мои близкие друзья со студенческих лет, потрясающие мастера — скрипач Сергей Кравченко и виолончелист Игорь Гаврыш, всегда готовые к творческим контактам. Ярко и глубоко содержательно было исполнение моих сочинений для фортепиано Дильбар Хакимовой — таджикской пианисткой, в свое время получившей образование в Московской консерватории.

Моими ближайшими друзьями в Московской консерватории были однокурсники Валентин Спасский, Александр Атаров. Прежде всего, они и в консерватории, и в постконсерваторские времена были классными мастерами своего композиторского дела. Их искренние советы и пожелания для меня всегда были своевременны и ценны. Так случилось, что Валентин Платонович Спасский ушел из жизни в начале 2009 года, а спустя почти месяц я получил от него последнее письмо, отправленное им за несколько дней до кончины... К сожалению, бывает и так...

— Сейчас Вы живете в Москве. Какие новые мироощущения?

— Странные бывают встречи... Как будто кем-то спланированные... Впервые я познакомился с композитором Юрием Буцко в 1967 году, в классе Сергея Артемьевича Баласаняна. Потом изредка

А. Атаров и Т. Шахиди
в студенческие годы

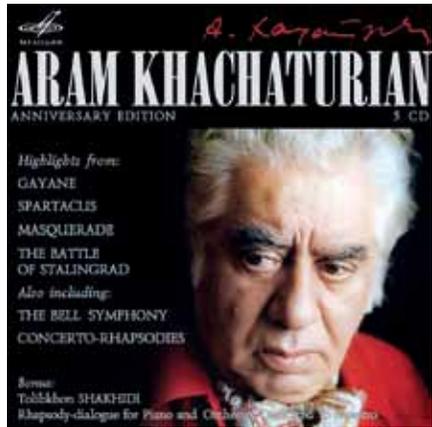
видел... просто в коридорах консерватории или на концертах наших съездов и фестивалей. А в апреле 2013-го в БЗК, где блестяще прозвучала его кантата «Свадебные песни», я подошел к нему в антракте, поздравил с замечательным произведением и сказал, что все эти десятилетия боялся подойти к нему, на что он ответил: «Бояться надо Страшного

Суда...». Сказал, как отрезал, но с улыбкой, которой никогда прежде не видел на его лице, и радушием, «успокоившим» меня...

«Суфий и Будда» — этюд-картина для фортепиано. Первый исполнитель — мой соотечественник, лауреат международных конкурсов, профессор Валерий Шкарупа, которому я и посвятил эту пьесу. Теперь он ректор Екатеринбургской консерватории.

Валерий Шкарупа на репетиции этюда-картины для фортепиано «Суфий и Будда»

40

CD: Арам Хачатурян.
К 110-летию
со дня рождения

Почему «Суфий и Будда»? Ну, это как беседа двух мудрецов, каждый от «своего» Бога, встретившихся в пустыне, которая привела к тому, что они не заметили, как потеряли друг друга из вида... в крутящемся вихре песка. Песок — как итог...

Если Случай — действительно псевдоним Бога, то моему поколению (или только мне?) повезло, что мы жили в СССР со всеми за и против... С годами начинаю понимать, что я, наверное, дилетант, очень привязанный к своей профессии, но всегда работавший над тем или иным сочинением увлеченно и абсолютно интуитивно... Многие из них лежат в собственном забвении, и я не желаю их видеть и слышать. Есть и те, которые мне очень нравятся, и мне грустно,

что я их написал много лет назад — и не верю этому...

...Но опять же есть Subito... неожиданные моменты: в 2013 году с огромным энтузиазмом писал «Рhapsодию-диалоги» для фортепиано с оркестром на темы-интонации Арама Хачатуряна, к 110-летию со дня рождения великого мастера. Это еще один мастер-класс

Дживан Гаспарян. Премьера Рhapsодии-диалога Т. Шахида для фортепиано с оркестром на темы-интонации Арама Хачатуряна. Кремлевский дворец, 18 мая 2013 года

Учителя, сделавшего для меня очень много хорошего и как человек, и как педагог. Рhapsодию исполнил Симфонический оркестр Госкино России, дирижер Сергей Скрипка; партию фортепиано — великолепный, уже широко известный, пианист Вазген Вартанян; эпизоды соло на дудуке — незаменимый Дживан Гаспарян.

Специально к Международному фестивалю современной музыки «Московская осень» написал две поэмы: одна на стихи Джалалиддина Руми «...Не требуйте Бога! Он в вас самих...» и вторая на слова Джорджа Байрона «...Жизнь наша двойственна... есть область сна...». Предвкушаю исполнение с участием Камерного хора Московской консерватории под руководством Александра Соловьёва, буквально вдохновившего меня своим мастерством к написанию этого цикла! Да! Но всё чаще вспоминаю слова Анны Ахматовой: «Отдай другим игрушку мира Славу! Иди домой и ничего не жди...».

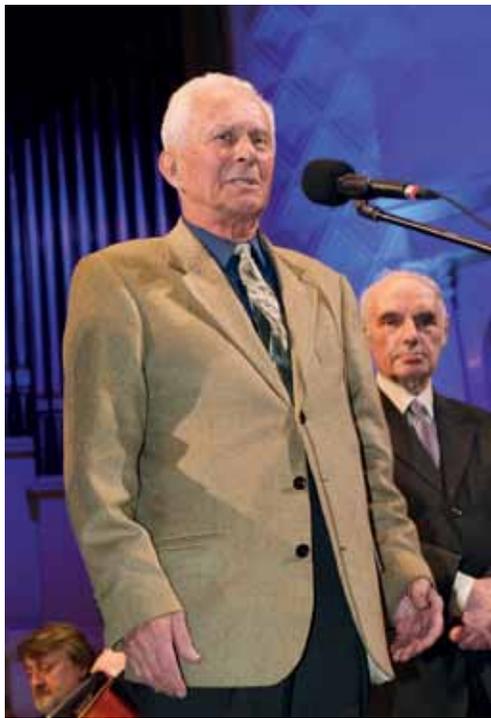
Беседу вела Лола Джуманова

41

Народный артист СССР, лауреат Государственных премий, почётный профессор Московской консерватории, композитор Андрей Эшпай: «Сегодня тут ученики Мясковского и ученики его учеников. Он сказал: "...И всего-то надо быть искренним, пламенеть к искусству и вести свою линию" — таков Шахида. Сейчас много всяких суррогатов, а он пишет настоящую музыку. Жизнь — это чудо, а чудо не запретишь. Да здравствует амплитуда! То падаешь... то летишь...».

«Перебирая чётки памяти...» Интервью с Толибхоном Шахида

Народный артист СССР, лауреат Государственных премий, профессор Московской консерватории, композитор **Карэн Хачатурян**: «Дорогие друзья! Сегодня праздник прекрасной музыки, великолепной, яркой, искренней, красивой, замечательной! Я хочу горячо поздравить нашего коллегу, с его датой, а дата эта пустяковая — 60 лет — просто зрелость. Хочу пожелать ему счастья в семье и делах, в музыке. Слава тебе!».

Народный артист РФ, лауреат Государственных премий, профессор Московской консерватории, композитор **Владислав Агафонников**: «Я благодарю Толиба за то, что он мне подарил 30 лет! С тех пор как я услышал "Празднества" в Братиславе. Тогда мы слушали её с известным чешским композитором Ильей Зельенка. Он сказал: "Это выдающийся композитор!". Это действительно так. И я должен сказать, что музыку Толиба любят и ценят не только в России и Таджикистане, но и во всем мире. Я желаю светлого будущего его музыке, музыке высокого порыва».

Народный артист РФ, лауреат Государственных премий, профессор Московской консерватории, композитор **Роман Леденёв**: «Музыка Толиба всегда красива, ярка, и в ней бьется сердце Востока и древней нации таджиков. И вместе с тем эта музыка с чертами всех людей на земле, и это делает ее, мне кажется, понятной и дорогой каждому человеку, какому бы роду он ни принадлежал, где бы он ни жил, что бы он ни делал. Эту музыку надо слушать, и очень хорошо, что у нас есть сегодня такая возможность. Мы часто и раньше слушали музыку нашего дорогого коллеги на различных фестивалях — и это всегда большие, незабываемые впечатления. Толиб, я Вас поздравляю и жду от Вас новой музыки в большом количестве».

Народная артистка Республики Абхазия и РФ, лауреат международных конкурсов **Хибла Герзмава**: «Вокальный цикл, который я исполнила, замечателен во всех смыслах. И слова французского поэта Поля Валери, и японского Рёкана как нельзя точно положены на музыку. Теперь этот цикл я оставляю в своём репертуаре».

Заслуженный артист РФ, дирижер Государственного академического симфонического оркестра России **Александр Слуцкий**:
 «Честно говоря, для всех нас было полной неожиданостью высокопрофессиональные партитуры Толибхона. Музыканты играли с большим интересом, и я полагаю мы все открыли для себя новый мир Востока в синтезе самых ярких музыкальных направлений. И, кстати сказать, для меня это близко, поскольку я сам родом из Баку».

Обременённое время

Эссе, очерки,
заметки...

Борис Бородин,
доктор искусствоведения,
профессор Уральской государственной консерватории
имени М.П. Мусоргского

Гармония стихий

*И грозной цепью сил природы
Весь мир торжественно объят.*
И.В. Гёте. «Фауст»

«Люди — это плавающие горшки, которые стучаются друг об друга», — так аккуратный Эккерман записал в своём дневнике фразу, услышанную от Гёте. Неожиданная ассоциация олимпийца вызвана тем, что после обжига горшки обычно обмывали, помещая в огороженную заводь. Там они, покачиваясь на волнах, кружились и тёрлись боками, наглядно иллюстрируя принцип хаотичного броуновского движения.

Действительно, в «роевой жизни» человечества ежедневные контакты его отдельных представителей нередко непредсказуемы, случайны, и их последствия трудно предугадать. Определённый порядок в этот хаос вносит то, что в каждой заводи колышутся «горшки» родственного предназначения. В случае моего соприкосновения-знакомства с Толибом Шахиди счастливую роль такого затона выполнила гостиница (ныне, увы, упразднённая) Союза композиторов России на Садовой Триумфальной 12/14.

Это была большая пятикомнатная квартира с кухней, где почему-то висел портрет Шумана, стояли холодильники, обеденный стол, застеленный клеёнкой, и царил огромный телевизор доперестроечного образца, на экране которого всё приобретало ядовитый мутно-зелёный оттенок. В торце большого коридора стоял письменный стол с общим, вечно занятым, телефоном (его диск нередко застревал при наборе). Одна из комнат с вызывающей плюшевой роскошью была переоборудована в так называемый «полу-люкс», с параллельным телефоном и отдельным санузлом — в ней жили относительно состоятельные постояльцы.

Борис Бородин

А три других представляли собой обыкновенное спартанское общежитие с продавленными и скрипучими кроватями и вечным гулом Садового кольца за окнами. Здесь за весьма умеренную плату находили приют иногородние музыканты и шофера какой-то транспортной конторы, имевшей долгосрочный договор с администрацией гостиницы. Доброжелательные и заботливые бабушки-горничные, иногда даже делившиеся с приезжими своими единичными проездными — «карточками москвича», изо всех сил старались придать уют потрепанному, мебелированному в стиле

«честная бедность» интерьерам.

В этой тихой заводи, в трёхместном номере, иногда за счёт дивана превращавшегося в четырёхместный, я впервые встретился с композитором Толибхоном Шахиди. Когда я ранним зимним утром ввалился в комнату, он с мудрым спокойствием суфия возлежал (именно возлежал!) на скромном общежитском ложе. Возможно, моё первое впечатление было скорректировано позднейшими событиями — в рамках фестиваля «Московская осень» в Доме композиторов должно было исполняться сочинение Толиба — фортепианный этюд-картина «Суфий и Будда». Но помню точно: этот красивый, спокойный человек средних лет с благородным, содержательным лицом и неспешными, полными внутреннего достоинства манерами сразу привлек моё внимание. Я совсем не знал его музыки, но чутьё подсказывало, что у такого человека она и не могла быть ординарной. Впрочем, меньше всего Толиба можно было упрекнуть в подчёркивании своей значительности. Он был абсолютно естественен, и в его негромком разговоре нередко проскальзывали нотки самоиронии. Лишь впоследствии я узнал о триумфальных исполнениях его сочинений во многих мировых столицах, о сотрудничестве с такими музыкантами, как Валерий Гергиев, Йо-Йо Ма и многими другими.

Замкнутое пространство — купе поезда, гостиничный номер — располагает к сближению. Неизменные посиделки на кухне, вкуснейшие фисташки, привезённые Толибом из Тегерана, обсуждения

концертов фестиваля и просто разговоры «за жизнь», когда мы из Рахманиновского зала консерватории при свете уютных жёлтых фонарей возвращались «домой» в гостиницу по обледеневшему и продуваемому холодным ветром Тверскому бульвару, сыграли свою роль. И уезжая, я складывал в копилку памяти не только свои впечатления об этом интересном человеке, но и упаковывал в сумку подаренные мне партитуры и компакт-диски с его музыкой.

Далее начался этап знакомства с музыкой Толиба, в которой я его узнавал и не узнавал. В ней чувствовалась естественность и не боящаяся крайностей изобильность природного явления. Для неё словно бы не существовало заранее определённых технических приёмов и формальных конструкций. Она могла быть достаточно традиционной или новаторски изощрённой по своей внутренней организации, но всегда дышала и пульсировала с неотвратимой объективностью и стихийной непредсказуемостью. У неё всегда было своё лицо, своя тема. И эта главная тема — мир и человек, место человека в этом мире.

«Яростный и прекрасный мир» музыки Шахиди наполнен дыханием стихий, и композитор является только неким невольным передатчиком той высоковольтной энергии, что разлита в мироздании. В отличие от внешне спокойного автора, музыка Шахиди, трансформируя эту энергию, способна буквально обрушиться на вас с неукротимой мощью лавины, поразить импульсивностью нерегулярных ритмов, ошеломить утробным рёвом каких-то первозданных тембров, найденных на палитре традиционного симфонического оркестра, и — тут же заморозить звенящей тишиной горных вершин, монотонным лепетом струящихся фигураций, загипнотизировать оцепенением покоя. Это мир, который был до человека и, возможно, будет после него. Именно так мною воспринимаются экстатические кульминации симфонической поэмы «Садо», неистовая кода Третьего фортепианного концерта, одинокий голос флейты в «Nafizname», томительная поступь, прихотливые переборы струн и хаотически-призрачный танец инструментов в «Silk Road Dreams Dancing».

Человек предстаёт лишь малой частью вселенной, песчинкой, вовлечённой в извечный круговорот природы. Поэтому подлинный мир человека — это мир тишины и созерцания, горестного или благоговейно-восторженного. Человек стремится к душевному покою, гармонии, беседует с миром голосами своих поэтов — Хафиза, Гёте, Пушкина. Их голос, проходя сквозь даль веков и соединяясь с музыкой, призывает к смирению и душевному равновесию. Он обращен не к персу, таджику, немцу или русскому, а ко

всему миру, одушевлённому и тому, который только кажется неодушевлённым, но на самом деле — полон тайной жизни.

Музыка Шахиди — это не музыка Востока или Запада. В ней, несомненно, присутствуют опора на традиции таджикского фольклора и заметны европейские принципы организации звукового материала, но в ней нет или почти нет внешне роскошно-декоративного, велеречивого Востока, нет прямолинейно понимаемой ориентальной экзотики, как нет и бравирования рациональными западными технологиями. Она вырастает не в этнографическом изоляционизме или бездумной эклектике, а в плодотворном соприкосновении культур. Вырастает доверчиво и естественно, вбирая в себя питательные соки всечеловеческой общности.

Противопоставляя европейский и восточный менталитет, нередко цитируют первые строки «Баллады о Востоке и Западе» Киплинга:

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень Суд.*

Но часто забывают продолжение:

*Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным
лицом к лицу
у края земли встает?*

Однако где этот край земли? Где пресловутый роковой рубеж Востока и Запада? Он существует только в несовершенном сознании людей. В природе нет резких границ, а есть постепенные переходы. Идя всё время на Восток, мы приходим на Запад, а, неуклонно направляясь на Запад, оказываемся на Востоке. Условные противоположности сходятся, становятся тождеством.

Мудрецы всех частей света всегда ощущали единство человеческого рода, в котором, по закону «затребованного разнообразия», различные народы дополняют друг друга, и где, как говаривал Гёте, «только совокупность людей и составляет человека».

Саади утверждал:

*Всё племя Адамово — тело одно,
Из праха единого сотворено.*

*Коль тела одна только ранена часть,
То телу всему в трепетание впасть.*

*Над горем людским ты не плакал вовек, —
Так скажут ли люди, что ты человек?*

Ему вторит английский поэт Джон Донн: «Смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе». Да, он звонит по нам, когда на фугасах подрываются дети, когда ни в чём не повинные граждане внезапно и нелепо погибают от взрыва в подземном переходе или под обломками небоскрёба. Человечество в своём неразумии каждодневно убивает себя.

Катастрофическая опустошённость, в которую погружает слушателя «11th September» Шахиди — горестная реакция человека культуры на бессмысленное и жестокое варварство террористического акта, попытка пробудить в человеке человека. И вновь здесь вспоминаются слова Гёте, который заметил, что религиозная и национальная ненависть «всего сильнее, всего яростнее на низших ступенях культуры. Но существует и такая ступень, где она вовсе исчезает, где счастье или горе соседнего народа воспринимаешь как своё собственное». Именно так воспринял и передал Шахиди «американскую трагедию», бесславно ознаменовавшую начало третьего тысячелетия.

Человек — «мыслящий тростник», думающий о мире и о своём месте в нём, понимает ценность и хрупкость человеческой жизни. Он — «вечности заложник» — остро ощущает быстротечность времени. Хафиз восклицал:

*Так пылай же, ночная свеча, привлекая мотылька!
Близко утро. И ночь, и сиянье свечей — не навечно.*

*Эй, богач! Загляни в глубину своей нищей души!
Горы золота, монет, самоцветных камней — не навечно.*

Не знаю — прав ли я, — наверное, прав: Толиб Шахиди, несмотря на свою внешнюю несуетность и, как он сам говорит, «восточную лень», именно так драматически воспринимает нескончаемый поток времени и воплощает его в своей музыке.

Время каждого человека конечно и субъективно. Но когда он соизмеряет свои часы с пульсом природных стихий, учится прислушиваться к зову будущего и к опыту прошедших поколений, — он обретает способность мыслить столетиями и эпохами, его современниками становятся Хафиз, Хайям, Гёте, Пушкин; он становится одним из элементов этой актуальной вечности, и его голос, может быть, также будет внятн потомкам.

Энергия, которую транслирует художник, не иссякает, но способность передавать эту энергию ограничена законами всё той же природы — субъективным временем. Марина Цветаева как-то обронила фразу, что, начиная с определённого возраста, для насто-

ящего творца важен не успех, а успеть — успеть выполнить своё предназначение, сказать то, что кроме него никто не сумеет сказать. И поэтому для него непростительным расточительством становится погоня за богатством или призрачной славой, истинную цену которым так хорошо знали мудрецы Востока и Запада, оказывается бесплодной борьба с истинными или мнимыми врагами за ложные и даже истинные ценности. И он, памятуя о своём долге художника, не станет тратить драгоценных мгновений на преходящее, а скорее попытается ответить на вопрос, который задавал ещё Рудаки:

*Вещам не зная истинной цены,
Ужель ты создан Богом для войны?
Послушай, обладатель жизни краткой,
Ужель тебе сражения нужны?*

Толиб Шахиди не участвует в сражениях, реальных или метафорических, — он выполняет своё предназначение. В его музыке отсутствует пафос борьбы и победы, тщеславное стремление насильственно переделать мир. Для композитора, как мне кажется, сила духа заключена не в борьбе, а в смирении, в добровольном

подчинении изначальной гармонии стихий, которыми «мир таинственно объят». Человек только тогда сможет приблизиться к совершенству, когда осознает себя частью этого мира, частью времени, частью человечества, как к этому стремится в своём творчестве Шахиди.

Поэтому, говоря о его музыке, я также смиренно надеюсь, что неве-

Т. Шахиди после генеральной репетиции авторского концерта в Концертном зале имени П.И. Чайковского, 3 июня 2006 года

домый мне читатель, вслед за мною, откроет для себя, если ещё не открыл, неиссякаемый источник духовной энергии и мудрого смирения — музыку Толиба Шахиди.

Триумф на Триумфальной

Вечером 3 июня 2006 года в Москве на Триумфальной площади был зафиксирован мощный всплеск энергии. Его эпицентр располагался в Концертном зале имени П.И. Чайковского, где проходил авторский вечер, посвященный 60-летию со дня рождения народного артиста Республики Таджикистан, лауреата Государственной премии имени Рудаки и просто талантливого композитора Толибхона Шахиди. По традициям жанра «юбилейного концерта», Шахиди приветствовали известные музыканты: Карэн Хачатурян, Андрей Эшпай, Роман Леденёв, Олег Галахов, Владислав Агафонников. Но, какими бы искренними и сердечными ни были их речи (а они были именно таковыми), всё же главным источником энергии стала музыка.

Присутствовавшие здесь оказались свидетелями не официального «мероприятия», а увлеченными соучастниками праздника — редкого праздника таланта и красоты. Знаменитый Госоркестр (Государственный академический симфонический оркестр России имени Е.Ф. Светланова) под управлением Александра Слущкого провел концерт со светлановской эмоциональной щедростью и увлеченностью и стал великолепным транслятором духовной энергии, сконцентрированной в партитурах композитора. Много повидавший «Казачок» (как в музыкантских кругах иногда называют Зал Чайковского) то буквально содрогался от неистовства ударных и стихийных натисков громогласной меди, то блаженно замирал от чувственной прелести струнной кантилены и светлой печали флейтовых соло.

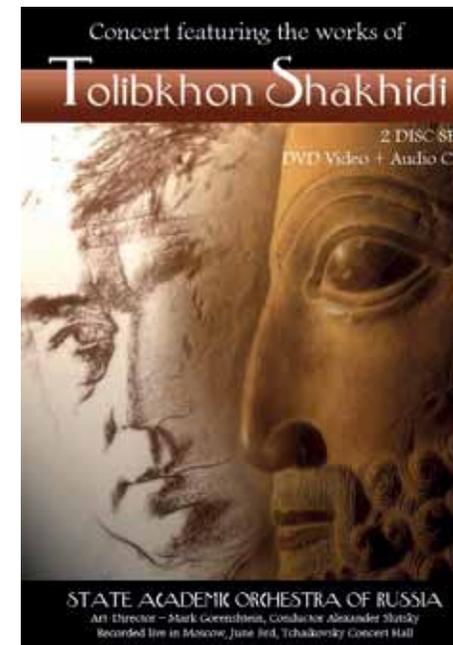
В этот вечер буквально всё подтверждало древнюю поговорку: «*Similis simili gaudet*» («Подобный рад подобному»). Публика была благодарной и чуткой; сам юбиляр, благодаривший своих московских учителей и коллег, был предельно обаятелен и элегантен; его музыка была самобытна и талантлива; красивы и талантливы были

превосходные солисты — сопрано Хибла Герзмава и пианистка Екатерина Мечетина. Замечательно, что этот вечер записан и выпущен на DVD фирмой «Империя музыки».

Для чего проводятся юбилеи? Для одних — это вполне понятное тщеславное желание продемонстрировать себе и окружающим свою подлинную или мнимую значимость, удобный повод собрать дань искренних или лицемерных восхвалений, еще раз убедиться, что «жизнь удалась». Для других — это стремление поделиться с людьми накопленным духовным богатством, сделать остановку, короткий привал в пути, чтобы вместе с ними с вершины достигнутого возраста окинуть оценивающим взглядом пройденное, наконец-то отличить, вопреки категоричному афоризму, «поражения от победы» и наметить ориентиры, указывающие дальнейшую дорогу, «услышать будущего зов».

Для композитора это очень важно — услышать. Причем зов не только будущего, но настоящего и прошлого. Ведь музыка — это время, организованное в звуках. Музыка сохраняет время, наполненное содержанием, — она, как и природа, не терпит пустоты. Подлинный композитор повелевает временем, концентрирует его и отдает слушателям. В прошедшем двухчасовом концерте Толиб Шахиди подарил нам более тридцати лет своей жизни — именно таков был временной диапазон исполненных произведений. Но сконцентрированное в них время измеряется далеко не десятилетиями.

«Время — вещь необычайно длинная», — меланхолично заметил поэт. Индивидуальное время стремительно — оно неумолимо в своем беге и всё быстрее сжимается, как шагреневая кожа из философской повести Бальзака. Музыка Шахиди время сохраняет. Это «обретённое время» древних, окрашенных кровью, иранских

DVD И CD авторского концерта в Концертном зале имени П.И. Чайковского. Дизайн и фото Мехди Бимани

легенд, субъективное время западных и восточных поэтов, смутное время трагедий; вихревое, не рассуждающее время народных празднеств и мучительно тягостные моменты одиноких раздумий о бренности и тщете существования; гипнотически-мерное, бесконечно тянущееся поступательное время старинных караванных путей и остановившиеся мгновения медитаций.

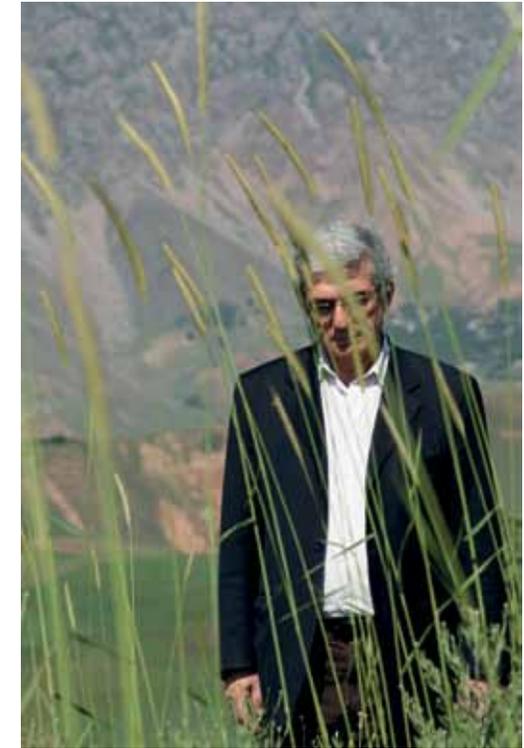
Временной поток музыки Шахиди вбирает в себя множество симультанных, несовпадающих, независимых друг от друга течений, которые, сливаясь воедино, всё же сохраняют свою обособленность. Поэтому в его сочинениях нередко так ритмически детализированы партии инструментальных групп, да и отдельных инструментов. Тогда целое возникает как некая векторная равнодействующая автономных и самодостаточных инструментальных линий. Это может быть подлинное пиршество ударной группы, своеобразный «бенефис ударников» (как в симфонической поэме «Празднество», открывшей концерт), бег наперегонки, который устраивают флейты во фрагменте из балета «Рубаи Хайяма», свивающиеся в кольца пассажи фортепиано в Третьем фортепианном концерте или широкие линии и обнажённая экспрессия струнных («Фирдоус-нома»). Так временной поток органично соединяется со стихией звука.

Во всех номерах исполненной программы перед нами шествовало Время во всех его ипостасях. В реальном времени концерта перед слушателем раскрывалась панорама становления стиля композитора: от полнокровной, открытой эмоциональности и декоративной пышности сочинений, в которых еще ощутимо влияние напоенной солнцем музыки учителя — А.И. Хачатуряна (это симфоническая поэма «Садо», балет «Сиявуш», Марш), до суровой трагической экспрессии концерто-гроссо «Фирдаус-нома» и просветленного, печального изящества вокального цикла для сопрано и симфонического оркестра «Времен контрасты», написанного совсем незадолго до юбилейного концерта. В этом цикле у Шахиди появляется и отчетливо звучит ясная и чистая «прощальная нота», позволяющая провести параллель с малеровской «Песней о Земле».

Музыка возрождает прошлое, соединяя его с настоящим. Поэтому мы внимали тяжкой, архаичной поступи эпоса («Сиявуш») и радовались легкому артистическому взмаху кисти японского отшельника-каллиграфа (вокальный цикл «Времен контрасты»). Музыка свертывала время, преодолевала пространство; нашими собеседниками оказывались Фирдоуси и Хайям, Рёкан и Поль Валери. Оглушенные многоголосием буйного «Празднества», мы

волею автора вдруг возносились над деятельной суетой в надзвездные выси, в пугающую космическую тишину, куда уже не доносился радостный гомон толпы, и мы в затихающем шорохе оркестра тщетно пытались уловить лишь его печальные отголоски. В равнодушной беспредельности Вселенной радость становится равной печали. Видимо, прав был мудрый отшельник Рёкан, пятистишие которого завершает цикл «Времен контрасты»:

*Несовершенство —
Нашего мира удел,
Не потому ли
Грустью исполнены песни
Бренного рода людского?*

В горах

Шахиди тоже уязвлен непостоянством мира и с печалью наблюдает следы острых когтей Времени на всем сущем. И его «песни» исполнены грусти. Даже победные ритмы шествия, которые нередко у него встречаются, невольно приобретают некий роковой оттенок — то ли это торжество Времени, то ли всё же торжество над Временем. Так и Скерцо из Шестой симфонии П.И. Чайковского одни воспринимают как воплощение созидательной энергии жизни, а другие — как неуклонное приближение к финальной катастрофе.

Но вернемся к юбилею на Триумфальной площади, которая сама является прекрасным примером непостоянства. Ведь именно здесь некогда стояла Триумфальная арка, давшая площади имя и впоследствии перенесенная на Кутузовский проспект. Ее отсутствие было восполнено прозвучавшим в концерте на бис торжественным и нарядным Маршем. Еще раз, как некий ритуальный знак завершения, через зал продефилировал пестрый «караван жизни», прошло вызывающе-триумфальное шествие через воображаемую триумфальную арку. (Сколько таких ликующих парадов с толпами не-

вольниц и пленников, со стадами диких животных и с поникшими трофейными стягами видело на своем веку человечество?) «Музыка, играй отчетливо!» — звучит реплика Лопухина, и город покидает расквартированный в нем пехотный полк. Праздник кончился... Что же остается? Воспоминания? Жизнь? Время?

Так всегда проходит (приходит или уходит?) таинственное Нечто, задавая нам невысказанный вопрос, на который мы не знаем ответа. «Если б знать! Если б знать!»...

Толиб Шахиди тоже ищет этот ответ. Ищет в древних сказаниях и мифах, у поэтов мудрецов Запада и Востока. Ищет, испытывая Время.

Консерваторский профессор Толиба Шахиди — Арам Ильич Хачатурян — любил повторять: «Толиб, не теряйте времени». Ученик последовал совету учителя — он не теряет времени, а собирает и сохраняет его в своей музыке. И мы, хотя бы ненадолго — на два отделения, на два часа, — его вновь и вновь обретаем.

Фильм «Рубаи Хайяма», или Треснувший кувшин

Согласитесь, старые фильмы обладают особым очарованием. И это не удивительно. Ведь даже некогда обыкновенные бытовые предметы прошлого — посуда, подсвечники, медные самовары, громоздкие чернильные приборы с «великодержавной» символикой, кокетливые старые веера, вычурные конфетные коробки и т. д. — с годами становятся драгоценными частицами материальной культуры своей эпохи, антиквариатом, который высоко ценят и с энтузиазмом разыскивают знатоки. А вполне добротный, но когда-то ничем не приметный особняк рядовой застройки XIX века, чудом сохранившийся в современном мегаполисе среди разгула хай-тека, агрессивного «стекла и бетона», получает статус «памятника архитектуры». Это даёт ему некоторые шансы на дальнейшее существование под алчными взглядами руководителей строительных компаний, постоянно сетующих на «нерациональное» исполь-

зование лакомого земельного участка, где вместо малоэтажной и экономически нецелесообразной «старой развалюхи» вполне можно возвести прибыльный торговый центр.

Произведения киноискусства на своём традиционном носителе — целлулоидной плёнке — увы, быстро стареют. Однако даже перевод в цифру не избавляет фильм от примет своего времени. «Вещь! Вещь! Я — вещь!» — трагически срывающимся голосом на фоне взволнованной музыки повторяет замечательная актриса Нина Алисова (Лариса Огудалова в довоенной ленте Я. Протазанова «Бесприданница»). В начальных кадрах некогда популярной музыкальной комедии «Небесный тихоход» (1945) с задорно-лирическими песнями В. Соловьёва-Седого на втором плане просматриваются какие-то руины. И это ни что иное, как Большой дворец Петергофа, — именно так он выглядел после войны. Вся эстетика старых фильмов — по-театральному чуть преувеличенная манера игры актёров, их, может быть, несколько странная — по современным меркам — речь, своеобразный почерк оператора, приёмы монтажа, стилистика киномузыки, оформление титров, бытовые реалии, вольно или невольно запечатлённые в кадре, — возвращает нас в прошлое.

Фильму «Рубаи Хайяма» исполнилось всего тридцать лет. Даже по меркам такого зависимого от технических ресурсов искусства, как кино, его нельзя назвать старым. Но фильм возвращает нас в прошлое — в страну, которой уже нет, в культурное пространство, которое почти рассыпалось на наших глазах.

Это необычная картина. Ещё при своём появлении в 1980 году её трудно было причислить к рядовой продукции киностудии «Таджикфильм». (В так называемые «годы застоя» из-за вынужденного пристрастия к сюжетам о становлении советской власти в Средней Азии некоторые острые на язык кинематографисты за глаза называли эту студию «Басмачфильм».) К тому же лента относится к такому редкому в отечественном кинематографе (а ныне и почти вымершему) жанру, как фильм-балет, причем поставленный на музыку современного таджикского композитора — талантливейшего Толибхона Шахиди. Фильм делали настоящие профессионалы: режиссёр Е. Камягарова-Пашкевич, балетмейстер С. Азаматова. В нём прекрасный состав исполнителей: оркестры Большого театра и Госкино СССР (дирижёры М. Эрмлер и К. Кривец), балетные труппы Таджикского театра имени С. Айни и Узбекского театра имени А. Навои, солисты из Театра имени К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко В. Тедеев и Т. Файзиев. И главное — фильм сохранил для нас поистине «лебединую песню» блистательной и

Малика Сабирова

так рано ушедшей таджикской балерины Малики Сабировой, станцевавшей здесь свою последнюю партию.

В результате получился подлинный памятник культуры, достойный бережного сохранения, а главное — распространения и, не побоюсь этого слова, пропаганды. Памятник, свидетельствующий о высоком уровне художественной

культуры, достигнутом искусством Таджикистана в содружестве с искусством всей страны. И это — не та иллюзорная культура эпохи «развитого социализма», якобы являющаяся, по официальной мантре, «национальной по форме и социалистической по содержанию», а подлинная культура общечеловеческого звучания, сформировавшаяся в результате уникального опыта взаимодействия традиций Запада и Востока.

Уникальность же этого опыта в том, что взаимодействие культур осуществлялось не стихийно, а планомерно и целенаправленно. Оно было неотъемлемой частью государственной культурной политики, направленной на создание по возможности единого и, как результат, хорошо контролируемого идеологического пространства всего многонационального СССР, на утопическое превращение всего его населения в «новую историческую общность — советский народ». Талантливые представители «национальных окраин» бескрайней империи по целевым направлениям получали образование в столичных вузах искусства, в которых организовывались так называемые национальные студии: казахские, киргизские, таджикские, бурятские и т. д. Именно такую студию при Московской консерватории некогда окончил классик таджикской музыки Зиядулло Шахиди, песни которого стали в Таджикистане подлинно народными. В Московской консерватории, в классе А.И. Хачатуряна, учился и его сын Толибхон Шахиди, автор балета «Рубаи Хайяма». В Ленинградском хореографическом училище имени А.Я. Вагановой и на балетмейстерском факультете ГИТИСа получила образование балетмейстер фильма С. Азаматова. В Вагановском же училище взшла и звезда Малики Сабировой, ставшей гордостью отечественного балета.

«Для укрепления кадров» в регионы делегировались специалисты из центра, помогавшие культурному строительству «на

местах». Приезжие музыканты изучали таджикский фольклор, «прививали» его побеги к стволу европейской культуры. Напомним: первая таджикская опера «Шуриши Восе» (1939) принадлежит перу С.А. Баласаняна, первый таджикский балет «Ду гуль» (1941) написан А.С. Ленским. «По разнарядке» в столицах союзных республик, прежде не знавших ни симфонии, ни оперы, ни театральных форм европейского образца, административной волей основывались оперные и драматические театры, симфонические оркестры, киностудии, учебные заведения, творческие союзы, формировались структуры «управления культурой».

«Но поэзия — пресволочнейшая штукавина: существует — и ни в зуб ногой», — задиристо заявлял В. Маяковский. И культура, к которой эта самая поэзия относится, тоже оказалась «пресволочнейшей», и к тому же не вполне управляемой «штуковиной». Она никак не желала развиваться только в дозволенном русле «социалистического реализма» и этнографического китча, никак не хотела становиться «социалистической по содержанию». Крепнущему профессионализму европейского толка становилось тесно в дозволенных пределах. Его влекли вечные, всечеловеческие темы, которые вполне могли приобретать и национальный облик при обращении к богатейшему наследию тысячелетней культуры Востока. Так появились фильмы Б. Камягарова, основанные на поэме Фирдоуси «Шахнаме», «Сказки Шахерезады» Т. Сабирова, опера З. Шахиди «Комде и Мадан», балеты Т. Шахиди по произведениям С. Айни и Омара Хайяма. И здесь уже начинались разногласия творцов с не вполне компетентными чиновниками, назначенными управлять культурой, но способными воспринимать лишь её внешнюю, декоративную сторону. В одном из интервью балетмейстер С. Азаматова вспоминала, как после премьеры балета Т. Шахиди «Смерть ростовщика» (1978) её вызвали в идеологический отдел ЦК компартии Таджикистана и устроили разнос за то, что персонаж балета — ростовщик — появляется на сцене не в нарядном шелковом халате, а в рваной одежде.

Балеты Т. Шахиди отразили общую тенденцию, характерную для советского хореографического искусства 70–80-х, — обращение к литературной классике. Развивая традиции так называемого «драмбалета» композиторы и балетмейстеры стали смело переводить на язык танца романы Л. Толстого и Ф. Достоевского, пьесы и рассказы Чехова. Но балет «Рубаи Хайяма» здесь стоит несколько особняком, так как его основой стала не имеющая сюжета пронзительная философская лирика средневекового ученого и вольнодумца Омара Хайяма. В либретто, написанном В. Чайковским,

четверостишия поэта несколько наивно переплетаются с легендарными мотивами его биографии, из которых наиболее достоверным является его пребывание при дворе Малик-шаха.

Поэзия Хайяма многогранна. Восхищение красотой мира здесь уживается со скорбным осознанием его бренности, гедонистические призывы сменяются горьким скепсисом, сетованиями на краткость счастливых мгновений, благодарность Творцу сочетается с предъявляемыми ему обвинениями на вопиющую несправедливость мироустройства. В музыке балета так же резко противопоставлены образы жизни и смерти, света и тьмы, добра и жестокости. Жизнь — это полнокровные и энергичные народные танцевальные мелодии, светлые акварельные краски оркестра, связанные с образом Музы, широкая кантилена любовных признаний Поэта. Размышления о жизни и смерти — это тоже жизнь, беспокойная жизнь человеческого духа, жизнь «мыслящего тростника», колеблемого ветром вечности. Смерть — мертвенная, неразмышляющая, агрессивная механистичность ударных, беспощадно перемалывающих временной поток, мрачные и безжалостные диссонансы меди, подавляющие мелодическое начало. Жизнь — это свет, белые одежды Поэта и Музы, праздничная пестрота красок, веселящий кубок вина, манящая синева небосвода. Смерть — разрушительное пламя пожаров, разящий блеск стали, вихревая стихия чёрных облачений. Не эта ли смерть в облике чёрного человека являлась пушкинскому Моцарту, представала в мучительных галлюцинациях Есенина?

Пластическое решение балета бережно следует за музыкой. Народные сцены наполнены радостью жизни и роскошными красками восточных празднеств. Именно здесь язык классического балета тактично дополняется национальной танцевальной лексикой. Хрупкой грацией пленяет танец Малики Сабировой в партии Музы. Её вариация предстаёт воплощённой поэзией красоты во всей её чувственной прелести и трогательной уязвимости. На восприятие последних, прощальных творений выдающихся художников всегда набегают холодная тень их скорого ухода. Поэтому дуэт Музы со Смертью прочитывается с почти автобиографической остротой неизбежной утраты. Хищная, завораживающая пластика Смерти в демоническом исполнении Т. Файзиева сочетает в себе вкрадчивость и победительность. Смерть врывается в разноцветную круговерть народного празднества, посягает на красоту и талант, стелется рядом с Властью, царит на поле сражения, сверлящим взглядом василиска презрительно смотрит на людские деяния, мрачным надгробным памятником всему человечеству вздымает-

ся над толпой. Тайна Смерти неподвластна человеческому разуму, и Хайям горестно восклицает:

*Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.*

Символом бренности человеческого существования для Хайяма становится образ хрупкого кувшина, слепленного Небесным Гончаром. Этот сосуд беззащитен — ведь его так легко разбить! И вот ещё и ещё раз повторяются в фильме кадры разбивающегося кувшина, уносящего с собой чью-то жизнь, чью-то вселенную.

Древний силлогизм из учебника логики Кизаветтера, так поразивший толстовского Ивана Ильича, гласит: «Кай — человек, люди — смертны, поэтому Кай смертен». Но, как говорил другой литературный персонаж, «это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, — вот в чём фокус!». Мне кажется, что Воланд здесь изрёк вполне хайямовскую мысль. И вот уже гибкая и обречённая Малика Сабирова в роли Музы грациозно сторонится настойчивых объятий балетной смерти, хотя очень скоро не сможет от неё уйти в действительности. И создатели фильма во время увлекательной работы над ним вряд ли предполагали, что государства иногда тоже «внезапно смертны», и что пройдёт чуть больше десятилетия и разобьётся кувшин со звучным названием Союз Советских Социалистических Республик. А вслед за ним даст трещину и кувшин культуры, некогда, плохо ли, хорошо ли, но слепленный благодаря этому союзу. И фильм, который они с такой любовью создавали, и который постоянно демонстрировался всей необъятной стране по центральному телевидению, станет экономически нецелесообразно показывать ни на одном

М. Сабирова — Ситора,
Вадим Тедеев —
Омар Хайям

из теперь многочисленных каналов, и он найдёт своё пристанище в памяти зрителей и на одном из сайтов Интернета.

Можно по-разному оценивать результаты культурной политики рассыпавшейся империи, но вряд ли разумно отрицать то ценное, что выросло не в душных теплицах идеологической селекции, а в результате свободного взаимодействия культур Востока и Запада. Я не знаю, есть ли сейчас в Таджикистане балерина, равная по масштабу таланта Малике Сабировой, способна ли труппа республиканского театра оперы и балета осуществлять масштабные постановки классического репертуара? Я сомневаюсь, сможет ли сейчас Таджикская киностудия создать фильм такого художественного уровня, как «Рубай Хайяма», и хотел бы, что бы я оказался не прав. Но в одном я не сомневаюсь: сохраняя и созидая, мы помогаем Жизни; забывая и разрушая, мы помогаем Смерти. Поэтому стараемся сохранить и склеить треснувший кувшин и наполнить его вином жизни, вином, воспетым Хайямом.

Толибхон Шахиди о Борисе Бородине

Удивительные встречи были уже потом, после СССР. Я оставался членом СК России, и это помогало в какой-то мере еще участвовать в различных фестивалях музыки, таких как «Московская осень», «От авангарда до наших дней» в Санкт-Петербурге или «Европа — Азия» в Казани. Летели мы через Москву и останавливались в гостинице СК России на Садовой Триумфальной.

Б. Бородин и Т. Шахиди в Душанбе

Так получилось, что мы встретились с Борисом Бородиным именно в гостинице: о ней он замечательно пишет в своем эссе «Гармония стихий». В те дни «Московской осени» мы говорили о прошлом и настоящем, о музыке и не музыке. Нам было приятно, что у нас есть такая гостиница, и что мы еще можем встречаться.

Позднее он по собственной инициативе сделает свою транскрипцию фрагмента моего балета «Смерть ростовщика». Но очень скоро «время» отобрало у нас и эту гостиницу и многое другое...

Хотя потом Борис Борисович участвовал на наших фестивалях в Душанбе, где давал мастер-классы в консерватории и круглый стол в Республиканском музее музыкальной культуры имени З. Шахиди. А я побывал в Екатеринбурге с премьерой Концерта для кларнета с оркестром на Симфоническом форуме России в 2010 году.

Захид Хакназаров,
народный артист Республики Узбекистан,
дирижер,
профессор Государственной консерватории Узбекистана

Вспоминая прошлое

В 80-х годах XX века по инициативе Союза композиторов Узбекистана сначала в Ташкенте, потом в Самарканде проводились Симпозиумы традиционной и современной музыки республик Средней Азии и Закавказья. Это было замечательное событие, в котором принимали участие как выдающиеся исполнители традиционной музыки, так и композиторы двух крупнейших регионов бывшего Союза, а так же и российские композиторы. На концертах этих симпозиумов исполнялись как традиционная, народная музыка, так и произведения композиторов, созданных на основе ладогармонических, ритмических формований традиционной

народной музыки — макомов и мугамов. Композиторы, исполнители глубже знакомились с творчеством друг друга, музыковеды выступали с докладами на семинарах, и это были интереснейшие дискуссии. Одним словом, была настоящая творческая атмосфера.

Но потом, к сожалению, эти симпозиумы перевели в формат просто Международного фестиваля «Шарк тароналари» («Мелодии и песни Востока»), отказавшись от композиторского творчества, сосредоточившись только на классическом фольклоре, чем, конечно, нанесли удар по профессиональному музыкальному искусству, прежде всего Узбекистана.

Так вот, одним из активных участников-исполнителей композиторского творчества концертов симпозиумов был возглавляемый в то время мной Национальный симфонический оркестр Узбекистана, благодаря которому любители симфонической музыки не только познакомились, но и полюбили произведения таджикских композиторов, в частности Зиядулло и Толибхона Шахиди, туркмена Чары Нурымова, и тогда уже широко известных советских композиторов Арама Хачатуряна, Кара Караева, Фикрета Амирова, Арно Бабаджаняна и многих других.

В одной из программ очередного симпозиума я дирижировал Второй симфонией Толибхона Шахиди. Скажу сразу, изучая партитуру до начала оркестровых репетиций, я испытал большое чувство удовлетворения. Вопреки своему возрасту композитор смело шел на творческое претворение древних народных напевов, не боялся жестких гармоний, которые звучали консонансом в контексте его образного мышления, сложные ритмы быстро менялись, оркестр звучал свежо и звонко. Это был качественный скачок в профессиональной музыке нашего региона, и я с большим удовольствием провел репетиции этого сочинения, а потом исполнил ее на концерте симпозиума.

Позднее эту симфонию я записал для авторской пластинки Т. Шахиди вместе с фрагментами из балета «Рубаи Хайяма» и симфонической поэмой «Садо», которые еще больше убедили меня в том, что мое первое впечатление о молодом композиторе, возник-

Дирижёр Захид Хакназаров

шее при изучении его Второй симфонии как о новом явлении на среднеазиатском музыкальном небосклоне, было не обманчивым. Они убедили меня еще и в том, что «Шахиди 2» — это «Крепкий орешек», который непременно займет свое место в мировой музыкальной иерархии, чему мы и являемся свидетелями на сегодняшний день.

Геннадий Толстенко,

композитор,

профессор Ростовской государственной консерватории
имени С.В. Рахманинова

Услышать «Празднество» «Таинственного композитора»

С музыкой Толиба Шахиди я познакомился в начале 1978 года, увидев в нотном магазине партитуру поэмы для симфонического оркестра «Празднество». Возникает закономерный вопрос: почему юноша — учащийся II курса музыкального училища — приобретает партитуру, не зная композитора и его сочинений? Свой выбор я объяснял очень просто. Когда открываю незнакомую партитуру, то сразу замечаю графическое своеобразие оркестровой фактуры. В этом произведении как-то по-другому, нежели у классиков, организована музыкальная ткань. Внимательно проанализировав нотный текст, мне очень захотелось услышать «Празднество» и другие сочинения этого «таинственного» композитора.

Наконец, в начале 80-х годов по телевидению показали фильм-балет «Рубаи Хайяма» Толиба Шахиди. Как зачарованный я вслушивался у экрана телевизора в эти волшебные звуки! Тогда я и представить себе не мог, что спустя 25 лет, будучи одним из организаторов и директором крупнейшего на Юге России Фестиваля современной музыки «Ростовские премьеры», не только приглашу

Геннадий Толстенко и Толиб Шахиди на встрече со студентами и преподавателями Ростовской государственной консерватории в дни Международного фестиваля современной музыки «Ростовские премьеры», 2003 год

Толиба участвовать в этом форуме, но и стану его другом. Как же я радовался, когда старшие и именитые коллеги-композиторы — Гия Канчели, Валентин Сильвестров, Роман Леденёв — очень лестно отзывались о музыке Толиба, а ростовские музыковеды, обсуждая итоги Второго фестиваля (2003), отметили, что Толстенко открыл им музыку Шахиди. О большей похвале я и не мог мечтать!

Творчество Толиба Шахиди — уникальное, самобытное, яркое явление и пока единственное выдающееся достояние в истории профессиональной музыкальной культуры Таджикистана. В его композиторском арсенале имеются все средства выражения, накопленные за весь период развития мирового музыкального искусства. Ему свойственно поразительное чувство меры в использовании современных технических приёмов и национальных языковых элементов. Он всегда оригинально мыслит, даже если использует традиционные композиционные структуры и методы.

Музыка Шахиди — редкий пример бережного и личностного переосмысления национального наследия. Для него важно, не какими средствами и как, а для чего и кому сочиняется произведение. Всё, что делает Шахиди, интересно и понятно не только профессионалам, но и простому неискушённому слушателю. Его звуковая материя эмоциональна, порою драматична, но при этом остается удивительно красивой и солнечной. Наш мир стал бы беднее, если бы не было этой замечательной музыки!

Слушайте музыку Толиба Шахиди!!!

*Инесса Гульзарова,
музыковед, доцент кафедры
Истории музыки и музыкальной критики
Государственной консерватории Узбекистана*

Композиторов было много во все времена...

...Много их и сегодня. Однако по пальцам можно пересчитать тех, кто из них оставил и оставляет своей музыкой яркий след в памяти поколений. Среди них композитор из Таджикистана Толиб Шахиди — творец-художник, способный сказать своё слово о времени и о том, что его волнует. Встреча с его музыкой — это, как правило, духовный контакт с личностью, глубоко и серьёзно размышляющей о главном и вечном, возрождающей прошлое, соединяющей его с настоящим. Ему свойственно стремление к органичной соразмерности формы, мелодически содержательному тематизму и неотрывной связи с родной почвой, историей и культурой. Он сумел создать свой стиль и сказать своё слово в универсальной музыкальной культуре XX начала XXI веков.

Вспоминаю первое знакомство с музыкой Шахиди. Это было в 1998 году на очередном фестивале симфонической и камерной музыки «Ильхом – XX», один из концертов которого проходил в известном Ташкентском драматическом театре «Ильхом». Исполнялось Каприччио для саксофона с оркестром. Солист Пьер Стефан Меже из Франции в сопровождении камерного оркестра «Туркистон» под управлением заслуженного деятеля искусств Узбекистана Эльдара Азимова. Этот опус композитора захватил слушателей с первых же тактов, когда звучали приглушённые, размеренные интервалы в оркестре, на фоне которых издали, неторопливо и постепенно выростал тематический заряд партии саксофона, в которой композитор использовал современные приёмы игры, напоминающих звучание центрально-азиатских язычковых инструментов. Это была удивительная, гипнотическая музыка, исполнение которой завершилось неудержимым шквалом аплодисментов.

Следующая встреча с творчеством Шахиди состоялась в домашней обстановке, когда я познакомилась с его диском, на котором была

записана симфоническая и камерная музыка. Слушая, я утвердилась во мнении, что Толиб — художник подлинно национальный, противопоставляющий состояние духовной и нравственной жизни современного общества немеркнущим достижениям прошлого, традициям европейской музыкальной культуры. И хотя основой его творчества остаётся родная ему стихия таджикского мелоса, он мастерски преломляет её с самыми передовыми музыкальными достижениями, свободно ориентируясь во всех направлениях и тенденциях современной музыки. Умело использует композитор и новые ладовые комплексы, и интонационные ходы, и ритмические структуры, органично переплетая в них традиции Востока и достижения европейской музыки. Однако Восток Шахида — это не только родной Таджикистан, но и Китай в Третьем фортепианном концерте, Индия в симфонической поэме «Тадж-Махал» или иранские старинные лады в очень необычном Concerto grosso № 3 для скрипки, сантура и камерного оркестра, блестяще прозвучавшего в Австрии в исполнении камерного оркестра «Allegro vivo» и солистов иранского происхождения Бежана Хадема Мисака (скрипка) и Исмаила Васехи (сантур).

Прослушав фрагменты балета «Иосиф Прекрасный» (в записи Московского симфонического оркестра), я ещё раз убедилась в подлинности творческих устремлений композитора, его бережном отношении к жемчужинам таджикской классической музыки. Видимо, потому, что его отец — замечательный таджикский композитор Зиядулло Шахида — был авторитетнейшим знатоком и исполнителем макомных песнопений. А вот в Концерте для скрипки и струнного оркестра слышится уже совсем другая «драма», где, как и в Сонате № 1 для фортепиано, Толибхон Шахида филигранно использует додекафонную систему XX века, что говорит о его меняющемся мироощущении и отношении к музыкальному авангарду XX века.

Следует отметить ещё одну важную особенность творческого метода композитора: неповторимость драматургического решения каждого его опуса, а отсюда постановка новых содержательно-композиционных задач. Достаточно вспомнить «11th OF SEPTEMBER» — плод больших раздумий художника, обобщение пережитой трагедии, никого не оставившей равнодушным. В этом симфоническом опусе композитору из далёкого Таджикистана удалось воплотить звучание таких извечных проблем, как жизнь и смерть, добро и зло, сложность и неоднородность современного, динамичного мира. Это сочинение композитора было исполнено в США Бостонским симфоническим оркестром.

Толиб Шахида — глубоко самобытный и зрелый мастер, покоряющий дыханием свежести, новизной мелодики, богатством красок и мощным темпераментом. У него смелое и самостоятельное мышление и собственный взгляд на мир. Но самое главное — он пишет музыку, согретую теплом и искренностью человеческого сердца, которая находит сердечный отклик не только у профессионалов, но и у любителей музыки. В этом я ещё раз убедилась, когда услышала «Рапсодию-диалог» для фортепиано с оркестром на темы-интонации Арама Хачатуряна к 110-летию со дня рождения профессора-наставника, класс которого Т. Шахида закончил в Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского. «Арам Хачатурян и его ученики» так был назван вечер музыки в Малом зале Московской консерватории 16 июня 2013 года, посвященный этой знаменательной дате.

А. Эшпай, К. Волков, Т. Шахида. «Арам Хачатурян и его ученики» — концерт, посвященный 110-летию со дня рождения великого композитора. Малый зал Московской консерватории, 16 июня 2013 года

А. Эшпай на концерте «Арам Хачатурян и его ученики»

В Малом зале Московской консерватории
на концерте «Арам Хачатурян и его ученики»

Пианист Вазген Вартанян

Сергей Скрипка и Толиб Шахиди
на записи музыки в студии «Мосфильм»

Наринэ Хагагортян,
композитор

Музыка XXI века

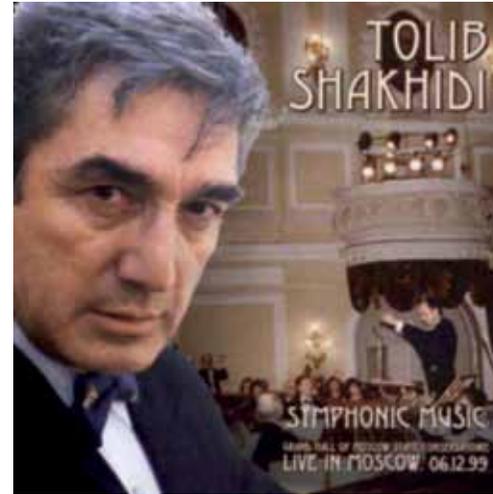
Философ — это такого рода человек, который постоянно переживает, видит, слышит, совершенно особенные вещи, надеется на них, мечтает о них; которого собственные мысли поражают как бы извне.

Философ — это несчастное существо, часто жаждущее бежать само от себя, но слишком любопытное, чтобы вновь и вновь не возвращаться к себе.

Ф. Ницше

Признаться, мы, москвичи, а вернее, композиторы и музыковеды — коллеги Толиба Шахиди отнеслись со скепсисом к намерению организаторов провести авторский концерт Т. Шахиди в одном из самых лучших и знаменитых концертных залов мира — в Большом зале Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского. Ведь это прежде всего очень ответственно для самого композитора. Безусловно, мы знаем музыку Т. Шахиди и по консерватории, и затем по успешным выступлениям на различных фестивалях прошлых лет. Если вспомнить по хронологии — это блестящая поэма для оркестра «Празднество», дирижёр — знаменитый маэстро Дж. Кахидзе. Затем Симфония № 2 «Таджики», балеты «Смерть ростовщика» и «Рубай Хайяма». Это сочинения композитора, фрагменты которых я слышала также и на международных фестивалях и ещё на частных творческих встречах Т. Шахиди с моим отцом Э. Хагагортяном в нашем доме на Садовой Триумфальной и там же с Ю.Г. Тер-Осиповым. В 1987 году — огромный успех симфонической поэмы «Садо» под управлением выдающегося дирижёра нашего времени Валерия Георгиева. Затем Франция, Польша, Чехия, Япония, Словакия, Германия и другие страны....

Конец 1991 года — распад могущественного Союза, и кажется, все связи вместе с Союзом композиторов СССР рухнули в одно мгновение... Но пусть об этом пишут историки и политологи. Случилось то, что должно было случиться или не должно было?..

CD авторского вечера
в Большом зале
Московской консерватории, 1999 год

языка и вместе с тем опосредованно использующего богатейшие ресурсы традиционной музыки своего региона. И эта «двойная опора» становится не помехой, а важнейшим источником художественной силы и своеобразия творчества» (Н. Власова. Журнал «Музыкальная академия», 1999, № 3).

К авторскому концерту в БЭК имени П.И. Чайковского Толиб Шахиди пришёл с огромным багажом знаний всех направления современной музыки — и это, пожалуй, придало уверенности ему, и, конечно, исполнителям, которые взялись за сложную и одновременно интереснейшую программу концерта.

С первых нот «Фирдавсиады», Concerto grosso № 2 (Страница трагедии Фирдавси) для струнного оркестра, наши опасения по поводу «взятия» БЭК рассеялись. Звучала музыка композитора-философа, зрелого мастера с определившимся мировоззрением. Концерт для скрипки с оркестром (солист — лауреат международных конкурсов, профессор Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского Сергей Кравченко) прозвучал с особой искренностью.

Концерт № 3 для фортепиано с оркестром (солист — лауреат международных конкурсов А. Сканави): «Это виртуозное действие фортепиано и симфонического оркестра могло бы стать украшением любого международного фестиваля музыки» (А. Чайковский, композитор).

Т. Шахиди решает остаться членом СК Москвы и России. Он продолжает писать новую музыку и исполняется на международных фестивалях «Московская осень» и «От авангарда до наших дней» в Санкт-Петербурге. Как это ему удастся в непростое время? Надо спросить у его музыки.

«Т. Шахиди воплощает ещё редкий для стран Востока тип универсального мастера- композитора, владеющего всем арсеналом новейшего музыкального

Блестящий саксофонист, профессор Консерватории в Лозанне (Швейцария), француз Пьер Стефан Меже специально приехал из Парижа, чтобы исполнить премьеру «Стамбул-каприччио» для саксофона с оркестром Т. Шахиди — и это ему удалось сделать на профессиональном уровне. Я ещё раз убедилась в том, что саксофон — это поистине настоящий французский инструмент. Толиб не случайно познакомился с Пьером в Казани на Международном фестивале «Европа — Азия». Вот вам результат общения духовного и чисто человеческого, если хотите.

Новый вокальный цикл «Добро вам» для голоса с оркестром говорит сам за себя. Т. Шахиди стремится быть человеком Мира. Цикл написан на слова Хафиза, Гёте и Пушкина. Может быть, не всё получилось у молодого солиста ГАБТ России А. Дунаева, но, думаю, что сочинение, несомненно, интересное и будет звучать в репертуаре вокалистов с успехом.

«Садо» — это уже давно классика», — сказал Андрей Эшпай. Этим сочинением завершилась авторская программа Т. Шахиди, хотя был ещё и на бис великолепный Марш для симфонического оркестра, который продирижировал сам автор.

Грандиозному успеху, конечно же, способствовали Государственный симфонический оркестр Комитета кинематографии и его художественный руководитель — главный дирижёр, народный артист России Сергей Скрипка.

Особую благодарность хочется выразить ректору Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского М. Овчинникову, Госконцерту, Французскому культурному центру в Москве, Институту «Открытое общество» Фонда Сороса в Республике Таджикистан.

Этот концерт стал подлинным событием в истории новейшей таджикской музыки и настоящим прорывом в XX веке, хочется добавить, в век мира и добра.

31 декабря 1999 года

*Ульрих Хартманн
(Ulrich Hartmann.
«Badische neueste Nachrichten»,
19. Mai 2005)*

Звучащая духовная сила

Захватывающий вечер с музыкой Т. Шахиди
на Международном фестивале «Мир знатоков музыки»

Богатство и страстная сила музыки в исполнении молодых музыкантов разных стран и виртуозного скрипача — профессора Нахума Эрлиха, привлекла слушателей зала дворца Готтецау к высоким достижениям человеческой мысли. Замечательного музыканта из Центральной Азии, последователя традиций и Востока, и Запада не упрекнули бы даже самые дотошные критики от музыковедения.

Программа концерта отличалась вдохновенной индивидуальностью. В Сонате № 1 Т. Шахиди в исполнении талантливой пианистки из Китая Шай Чанг мы услышали интонации и ритмы тад-

После авторского концерта Т. Шахиди с дирижером, скрипачом Нахомом Эрлихом. Карлсруэ, Германия; 2005 год

жикского фольклора, оригинально современно приподнесенные композитором. Яркое впечатление произвела и японская пианистка Раими Матцуда, в исполнении которой прозвучал Парафраз для фортепиано на темы оперы Зиядулло Шахиди «Комде и Мадан».

«Суфий и Будда» — этюд-картину для фортепиано, исполнила пианистка из Китая Янг Янг, тонко и созерцательно-медитативно изложившая философский смысл оригинальной пьесы. Пианист Ян Дивоки из Чехии и замечательная флейтистка Бернадет Хиллер (Германия) блестяще исполнили Сюиту для флейты и фортепиано «Речитативы Руми».

Завершил авторский вечер Толиба Шахиди скрипач и дирижёр Нахум Эрлих. Он проникновенно и эмоционально исполнил «Контрасты» для скрипки и фортепиано, а также Концерт для скрипки с оркестром. Бесспорно, услышанная музыка стала открытием и необычным подарком для любителей музыки города Карлсруэ, заполнившим Дворец Готтецау.

Перевод Зебо Валиходжаевой

Ольга Малевич,

Доцент Театрального института имени Бориса Шуккина

Двадцать минут сверхсильных эмоций

Мировая премьера кларнетового концерта Т. Шахиди

Никто никогда еще не писал такого концерта для кларнета с оркестром! Знаменитый композитор Толибхон Шахиди создал восточную сагу о нашем времени и о хрупкой человеческой душе, пытающейся воспарить над суетой, страхами, предчувствиями беды и самой бедой. Жесткий век — жесткие звучания. Но оторваться невозможно. Поток повествования такой же захватывающий, как у Чингиза Айтматова в его великих романах.

Главный герой — Кларнет. Он вольной птицей парит в небесах, а то — как подстреленный зверь, плачет, кричит, беснуется. Его линия идет через оркестровую толщу и не теряется даже под мощным грузом меди и целой армии ударных.

Огромная сольная каденция звучит как импровизация. Она похожа на восточную, но иногда близко подходит к джазу: прерывистая речь, бьющаяся мысль, трепещущий пульс... Кто не знает такого состояния, когда приходится подбирать слова, чтобы предельно точно выразить себя — иначе не снять груз с души.

В бурном водовороте, как видение, возникает музыкальный оазис. Затейливая вязь кларнетовой мелодии на фоне нежных звуков челесты, арфы, перестукивания мелких ударных. Вот так бы и раствориться в этой бесконечной теме, вот так бы и плыть с ней по течению... Но уже гремят литавры. Пора возвращаться на землю, с ее шумом, звоном, суетой, торопливыми грехами и запоздалым раскаянием.

Толибхон Шахиди писал концерт для Игоря Фёдорова, ему и посвятил свое сочинение. Зная возможности этого выдающегося музыканта, не пожалел красок. Использовал предельно высокий

Игорь Фёдоров, Толиб Шахиди на Симфоническом форуме России, где состоялась мировая премьера Концерта для кларнета с оркестром. Екатеринбург, 4 апреля 2010 года

регистр, в котором кларнетист должен тонко вычерчивать контуры темы, и динамические перепады: от едва воспринимаемого ухом *ppp* — до гортанного *fff*. Игорь Фёдоров наполнил глубоким смыслом каждую фразу и при этом великолепно выстроил драматургию целого. Поразительны его колористические находки, его владение звуковой палитрой, а главное — абсолютное проникновение в авторский замысел.

Замечательно передал идею нового концерта и дирижер Дмитрий Васильев. Под его управлением Омский академический симфонический оркестр играл мощно, образно и с той степенью технической свободы, которая свойственна лишь коллективам топ-класса. (В этой категории сибирский коллектив оказался после успешного выступления на Фестивале лучших симфонических оркестров мира — 2009.)

Премьера концерта Шахиди прошла в Омске, а через несколько дней на Российском симфоническом форуме в Екатеринбурге. На Урале, так же как в Сибири, зал с неослабным вниманием следил за развитием остросюжетной музыкальной драмы. И для многих эти 20 минут (столько звучит концерт Т. Шахиди) оказались временем сверхсильных эмоций.

Концерт для кларнета с оркестром

Игорь Фёдоров —

один из выдающихся музыкантов нашего времени.

Моя встреча с ним была настоящим открытием!

Это блестящий профессионал и глубокомыслящий человек,

мироощущение которого мне очень понятно и близко.

Скажу откровенно, если бы не Игорь,

я уже никогда бы не написал Концерт для кларнета с оркестром.

Ему я посвящаю это сочинение,

в котором он был и есть мой сердечный соавтор!

Толиб Шахиди

В. Гергиев, Т. Шахиди, И. Фёдоров
на репетиции Концерта для кларнета с оркестром
в Мариинском театре, 2011 год

Игорь Фёдоров,

солист-кларнетист,

первый исполнитель

концертной музыки «Притчи о скрытом смысле Дж. Руми»

для кларнета и фортепиано (МГК, 20 марта 2007 года)

и Концерта для кларнета с оркестром

(на Симфоническом форуме России 4 апреля 2010 года)

Концерт для кларнета Толибхона Шахиди вызывает у меня особые чувства. Несколько лет назад впервые прикоснувшись к музыке этого композитора я понял, что имею дело с чем-то абсолютно уникальным, неповторимым. И тогда я загорелся идеей уговорить Толибхона написать концерт для кларнета с оркестром. К моей большой радости он согласился — и получилась невероятная восточная сага, в которой эмоции доведены до самых крайних пределов: высочайшая нежность и трепетность контрастируют с безудержной страстью и силой. Музыка Толибхона вводит в особое состояние как исполнителя, так и слушателя и требует огромного эмоционального напряжения.

Для меня было большим счастьем записать эту музыку со знаменитым оркестром Мариинского театра под управлением величайшего дирижёра нашего времени Валерия Гергиева.

Из интервью с Игорем Фёдоровым

— Игорь, много ли произведений за пределами, скажем, Губайдулиной, Денисова, Артёмова написано для кларнета? Ещё более современных, в классической форме, не в джазовой?

— Да. Очень много чего пишется. Очень мало хорошего, но есть выдающиеся вещи. Я несколько лет назад открыл для себя такого композитора, как Толибхон Шахиди. Это выдающийся человек — и как человек, и как музыкант, и как композитор, и как личность. И он написал несколько произведений для кларнета, посвятив некоторые мне. Это для меня огромная честь. И вот это для меня опора.

У меня очень простая формула. Музыка может нести в себе глубочайшую трагедию, боль, горе, страдания и ужас. Но для моего восприятия — может быть, оно узкое и не совсем развитое — должен быть в музыке свет. Она должна в себе нести надежду на то, что мы все-таки живем в совершенно невероятном мире, что у нас есть солнце, красота, природа... И я, к сожалению, не воспринимаю музыку иногда величайших и признанных композиторов современности потому, что не вижу в ней этого.

*Малый зал МГК
31 октября 2008 года*

*Дмитрий Васильев,
художественный руководитель и главный дирижер
Омского академического симфонического оркестра*

Недавно я имел счастливую возможность прикоснуться к музыке Толибхона Шахиди. Вместе с блестящим кларнетистом Игорем Фёдоровым мы готовили премьеру Концерта для кларнета с оркестром.

Сочинение написано с эпическим размахом, оно масштабно по форме и содержанию, великолепно оркестровка. Концерт написан в лучших традициях жанра — виртуозная партия кларнета solo сочетается с мощными оркестровыми tutti и волшебными pianissimo.

В музыке Толибхона Шахиди всегда можно уловить естественные, как дыхание, интонации, связывающие его с родной таджикской культурой, однако автор отнюдь не упивается терпкими восточными созвучиями — наоборот, он, кажется, старается избегать внешнего украшения. В Концерте для кларнета у меня возникает, скорее всего, внутреннее ощущение Востока, его противоречивого ритма, медитативное спокойствие с необузданной энергией. Характерные восточные интонации часто завуалированы, рождая неповторимые, оригинальные звучания, и, только изредка — через перипетии сложных поисков и череду драматических образов — «прорывается» традиционный народный ориентализм как символ духовной чистоты.

Две премьеры в Омске и на Фестивале в Екатеринбурге (Симфонический форум России, 4 апреля 2010 года) были горячо приняты публикой и высоко оценены профессионалами. Верю, что яркий и глубокий Концерт для кларнета с оркестром Толибхона Шахиди ждет счастливая и долгая жизнь на сцене.

Дмитрий Васильев

*Ольга Фёдорова,
музыкальный обозреватель*

Восточное действо на Большой Никитской

Толиб Шахиди — один из немногих современных композиторов, умеющий говорить со слушателями на понятном каждому языке. Его музыка, точно роскошный персидский ковер, рождена многоцветьем благородного узора, в котором можно отыскать самые разные ассоциации — от простых до суперсложных. Такими оказались и камерные сочинения Шахиди, прозвучавшие на его авторском концерте 31 октября 2008 года в Малом зале Московской консерватории.

Программу, собравшую опусы последних лет, открывали фортепианные композиции: Соната № 2, посвященная Сергею Прокофьеву, и два этюда-картины — «Суфий и Будда» и «Игра в нарды».

Пианистка Екатерина Мечетина (поистине топ-звезда нового поколения) сумела передать и переключки с токатностью Прокофьева, и краски философского диалога двух мудрецов, и азарт игры.

В этот вечер Шахиди представлял публике несколько мемориальных произведений.

Народный артист РФ Игорь Гаврыш. Первое исполнение Adagio для виолончели соло памяти Арама Хачатуряна на авторском концерте в Малом зале Московской консерватории, 31 октября 2008 года

Кроме уже упомянутой фортепианной сонаты, связанной с именем Прокофьева, звучало виолончельное Adagio, написанное в память о своем консерваторском профессоре — великом Араме Хачатуряне. Его проникновенно исполнил народный артист России Игорь Гаврыш.

По-восточному нарядные хоровые ретро-миниатюры композитор посвятил памяти отца — основоположника таджикской классики Зиядулло Шахиди. Концертный хор МПГУ под руководством Александра Соловьёва спел их так заразительно ярко, что последнюю пьесу пришлось бисировать.

Толиб Шахиди тонко чувствует тембры и возможности разных инструментов, что он и продемонстрировал в двух новинках. Сюита для трех флейт «Разговор птиц» — сочинение, в первую очередь, изобразительное. Но сколько в нем тонкости и изящества! И ансамбль «Сиринкс» достаточно умело справился с этим филигранным опусом. Совершенно иных красок потребовала фантазия для кларнета и фортепиано «Притчи о скрытом смысле Дж. Руми». Она отсылала слушателей к творениям величайшего восточного философа XII века Джалаладдина Руми, где всё полно глубокого смысла, и за внешней простотой сюжетов кроется высочайшая духовность. Шахиди, используя уникальные звуковые свойства кларнета, вос-

А. Соловьёв на авторском вечере Т. Шахиди. Малый зал Московской консерватории, 31 октября 2008 года

Ансамбль «Сиринкс»
исполняет
сюиту для трех флейт
«Разговор птиц»

создал систему древних символов, в которую вдохновенно включились кларнетист Игорь Фёдоров и пианистка Екатерина Мечетина. Их впечатляющая трактовка с тончайшей сменой нюансов и настроений сделала «Притчи о скрытом смысле» кульминацией вечера.

Л. Слепнер, Ал. Соловьёв и Т. Шахиди
в Малом зале Московской консерватории после авторского вечера

Е. Мечетина,
И. Фёдоров — «Притчи
о скрытом смысле».
Премьерное исполнение
в Малом зале
Московской
консерватории,
31 октября 2008 года

На авторском концерте в Малом зале Московской консерватории,
31 октября 2008 года

Ольга Фёдорова. Восточное действо на Большой Никитской

Подарком для публики стала мировая премьера концертного произведения «Allegro на 5». Флейты и том-томы, кларнет, маримба и фортепиано сплетали сложный восточный узор, соединяя в гармонии красочные тембры и прихотливый ритм. Автор сам вышел на сцену в качестве дирижера и объединил музыкантов в удивительном по энергетике почти ритуальном действе.

Екатерина Мечетина,
лауреат международных конкурсов,
лауреат молодёжной премии «Триумф»,
лауреат премии Президента РФ
для молодых деятелей культуры

«Необщее выраженье», воспетое поэтом

С музыкой Толибхона Шахиди я познакомилась в 2006 году и музыкантское впечатление сразу «зазвучало на высокой ноте» — это был Третий фортепианный концерт, исполненный на авторском вечере маэстро в Концертном зале имени П.И. Чайковского в сопровождении ГАСО и дирижером Александром Слущким. Затем были две фортепианные сонаты, этюды-картины «Суфий и Будда» и «Игра в нарды» (которую маэстро посвятил мне, что является моей особой радостью и гордостью), а также несколько камерных сочинений.

И будучи уже достаточно хорошо знакомой с творческим почерком Толибхона Шахиди, я могу с уверенностью сказать, что это одна из самых ярких личностей и на постсоветском, и в мировом музыкальном пространстве. Его музыка всегда имеет свое лицо, и оно имеет то самое «необщее выраженье», воспетое поэтом. Это удивительный сплав классической советской композиторской школы (Шахиди — выпускник Московской консерватории, ученик

Е. Мечетина в Концертном зале имени П.И. Чайковского после исполнения Концерта для фортепиано с оркестром № 3 на авторском вечере Т. Шахиди, 3 июня 2006 года

Арама Хачатуряна) и национального колорита, который очень красочно представлен в сочинениях Шахиди. Это очень большая насыщенность фактуры, но всегда с учетом возможностей и достоинств каждого инструмента, для которого пишет автор. Это сложнейшие ритмические рисунки, требующие особо тщательной работы исполнителя; это потрясающей красоты звукопись и игра тембров; это стройность формы и яркость музыкальных образов.

Работа с маэстро Шахиди приносит особое удовольствие: он очень доброжелательно настроенный к исполнителю автор, и работа — это всегда дружественное сотрудничество, наполненное радостью и взаимным уважением.

CD: Р. Щедрин и Т. Шахиди.
Фортепианная музыка.
Исполняет Е. Мечетина

Йо-Йо-Ма и Т. Шахиди

Толибхон Шахиди о Йо-Йо Ма

Йо-Йо-Ма — великий музыкант современности, человек безмерного обаяния и широкой души. На концерте в Большом зале консерватории 30 ноября 2006 года, после исполнения Сонаты Франка, он вышел на сцену, чтобы поменять стул для пианистки, поскольку ей было низко за роялем — и это было заметно. По залу прошел гул то ли одобрения, то ли восхищения поступком суперзвезды музыкального мира. Он принял меня в артистической БЗК, поскольку я был участником проекта «Шёлковый Путь». Желающих попасть к нему были сотни. Я пожалел, что зашел к нему без DVD моего авторского концерта в Москве. Но затем в толпе его провожавших смог к нему протиснуться и вручить свой DVD, а он поцеловал мне руку... Удивительно странны и забавны его красивые, искренние поступки...

Отар Кушанашвили,
журналист и телеведущий

Точка исхода и внутренняя империя Толибхона Шахиди

Рецензия к альбому «Gergiev – Shakhidi»

Строго рассуждая о том, что такая музыка, какой Толибхон Шахиди оживляет тени как тип музыкального действия, как форма поведения, как способ мысли, существует — очень странно. То, чем Т. Шахиди занимается по сути, а не во множестве своих превращенных и замещающих форм, от поэмы «Садо» до балета «Сиявуш», в принципе, не должно бы быть подвластно человеку (правда, при этом есть подозрение, что человеку по имени Валерий Гергиев подвластно всё, но на то он и Гергиев). Толибхону Шахиди видна точка, в которой древо жизни выходит из земли.

Соль в том, что и с ветвями этого древа, и с его стволом, и даже с его темными, уходящими в глубину корнями, человечество, в общем, знает, что делать. По крайности уже привыкло полагать, будто знает. А вот точка, где одно почему-то превращается во второе... То есть неявное — в явное. Внутреннее во внешнее. Что там происходит? Непонятно.

Для работы с корнями этого дерева культура с цивилизацией вырастили продуманные, тщательно выстроенные системы приёмов: магию и религию. В магии Толибхон Шахиди силен, к религии почтителен, оттого каждое его произведение — это удивительная апология сложности, лирического беспокойства, понятного как воля. «Рубайи Хайяма» — это и аристократия духа, и неоплатонизм: мир как чувство и человек как существо, которое может эту гармонию либо высказать, либо разрушить.

Точка исхода древа из недр в явь, сама природа таинственного процесса его прорастания, хорошо ведомы Толибхону Шахиди — и это слышно в «Дариусе». Его музыкальный ландшафт — вне всех измерений, ода не эскапизму, но погружения в себя, во внутреннюю империю, где ты, будь ты Кори-ростовщиком, — счастлив только тогда, когда несчастлив. И наоборот.

Фото Мехди Бимани

Андерграунд
души

Из писем

Толибджон, спасибо тебе за письмо, немного успокоил меня.

Что сделаешь, в нашей жизни много печали, и мы должны принимать к сердцу. Мы уже так устроены иначе не может быть. Старика конечно очень жаль, но одних сбивает троллейбус, другие, как я в этой суровой жизни, медленно тлеют.

Толибджон, что касается Ахада Самадова¹, то, ты знаешь, вся моя сознательная жизнь прошла с ним, и поверь мне, он гораздо лучше многих, хотя всякое бывало... но просто не хотелось, чтобы он думал обо мне плохо. Много было ситуаций, когда он приходил мне на помощь, а в остальном ты конечно прав.

Прошу тебя доведи дело с фильмом до конца. Уверен, что, в конце концов, Марат Арипов² нашу музыку поймёт...

О Шодике³ не спрашивал потому, что он сам с большой благодарностью рассказал во всех подробностях о тебе. Твой талант музыканта и друга я любил и люблю, и поэтому твори добро, не оглядывайся.

Я три недели работал с Тилло⁴, и знаешь, Толибджон, был счастлив, что помог человеку. Несомненно, в этой партитуре много работы, но основная конструкция выстроилась. Ты даже не представляешь, как один из наших друзей был озлоблен моим общением с Тилло. Меня обвиняли даже в предательстве. Так тоже бывает в жизни.

Толиб, здесь мне обещали сборник народных песен и ритмов, если достану — вышлю. Не теряй энергии, занимайся, балет должен быть.

Как дела у отца? Проверь непременно всю партитуру⁵.

¹ Ахад Самадов — директор Таджикского государственного театра оперы и балета имени С. Айни (с середины 70-х годов).

² Марат Арипов — кинорежиссёр киностудии «Таджикфильм». Речь идет о работе над фильмом «Стрельба дуплетом». Тогда мы как соавторы музыки к этому фильмом столкнулись с необычным упрямством режиссера, который не хотел принимать нашу музыку и говорил, что она... похожа на...французскую. Я это запомнил, поскольку для меня его реплика была как комплимент...

³ Шодмон Пулоди — один из талантливых учеников-композиторов Ю.Г. Тер-Осипова, наш единомышленник и друг того времени.

⁴ Кудратулло Яхьяев — композитор, тяготевший в основном к песенному жанру; отсутствие опыта работы с симфоническим оркестром иногда сказывалось в его композиторской деятельности.

⁵ Отец мой работал в то время над оперой «Рабы» (Hulomon) по одноименному роману С. Айни. Я помогал ему оркестровать и редактировал партитуру.

Юрий Тер-Осипов и Толиб Шахиди

Прошу, узнай у Шодика, получил ли он моё письмо.

Узнай в Министерстве, так как ты в этой комиссии, есть ли возможность получить заказ.

Ну пока всё. Большой поклон Вашим. Целую,
твой Юрий Григорьевич.

PS. Толибджон, будет время пиши, твои письма меня успокаивают, дают надежду и силу.

Александр Атаров⁶

16.04.1981

Дорогой Толиб!

Пишу тебе просто так, не имея ни дела, ни просьб, ничего такого, в общем. А заставило меня взяться за перо одно событие: будучи в Москве 12 апреля, я услышал твою Сонату для фортепиано (номера её Спасский⁷ точно не знал), исполненную в концерте 28 марта, на котором я не смог быть.

Что тебе сказать, мой дорогой? Твоя Соната просто поразила меня. Может быть, глагол «поразила» покажется тебе несколько

⁶ Атаров Александр Николаевич — композитор, член Союза композиторов России (Москва).

⁷ Спасский Валентин Платонович (1947–2009) — композитор, член Союза композиторов России (Москва).

даже обидным (так как поразить может то, чего не ожидаешь). Но всё дело в том, что большую часть из слышанного твоей музыки составляла музыка к кино, и тем большим и приятнейшим сюрпризом явилась для меня соната. Это просто замечательное произведение, одно из самых лучших произведений в этом жанре, а из произведений советских композиторов — может быть, вообще — лучшее. И подумалось мне тогда, что как, в сущности, мало мы все (Спасский, ты, я) значим друг для друга. А тут оказывается, один из друзей, с которым мы во время его редких прилётов в столицу встречаемся за дружеским ужином и обсуждаем животрепещущие проблемы, уже обеспечил себе бессмертие. Странно это как-то, неправильно, но факт. В общем, я просто в восторге от тебя, от той музыки, которую ты написал! Желая тебе, мой милый, создать ещё не одно столь же блистательное произведение и быть счастливым при этом, хотя в этом пожелании есть какая-то противоречивость, ибо такую музыку, как музыка твоей Сонаты, стопроцентно счастливые люди не пишут.

Всех благ тебе и радостей, мой дорогой!

Целую.
Всегда твой,

Саша.

Карэн Хачатурян

10.01.1987

Дорогой Толиб!

После Секретариата⁸ нам не удалось поговорить, а вскоре ты уехал. Сейчас прошло достаточно времени и можно спокойно взвесить и обсудить все «за» и «против».

Во-первых, нет оснований драматизировать это событие и делать крайние выводы. Необходимо разобраться и сделать правильные суждения.

Я остаюсь при прежнем своем мнении, которое я высказал. Сочинение яркое, талантливое и почвенное. Недостатки, видимо, есть. Они относятся к форме. Всё сочинение построено, по сути, на

⁸ Письмо написано Карэном Суреновичем после заседания Секретариата СК СССР, где состоялось прослушивание и обсуждение Концерта № 1 для фортепиано с оркестром Т. Шахиди.

одном материале — ярком, суровом и колючем, и мало материала контрастирующего ему, — лирической сферы, где царил бы мелодия. Она появляется как намёк у оркестра, но быстро исчезает, а жаль. Всё это создает некоторое образное и фактурное однообразие. Я бы подумал на твоём месте об этом. Лирическую сферу необходимо расширить и развить.

Теперь об оркестровой фактуре у оркестра и солиста: превалирует аккордовая фактура в низком регистре. Это в какой-то момент начинает утомлять. Совсем нет линейной фактуры (или ее мало), а также мелкой техники у фортиссимо.

Что касается выступлений, то, мне кажется, началось всё с Косачевой. Видимо, желая блеснуть эрудицией и своей недавней поездкой в Америку, она провела совсем неуместную параллель между тобой и западными тенденциями, что вызвало реакцию и раздражение у Хренникова, Б. Чайковского и др. Римма выступила глупо и не уместно, хотя хвалила Концерт.

Ты вёл себя очень корректно и правильно.

Тебе просто не повезло. Это бывает, расстраиваться нет оснований. Пиши дальше, работай и передавай большой привет своим близким.

Твой Карэн Хачатурян

Николай Корндорф

Москва,
декабрь 1989-го

Мой ближайший друг, ЧЕЛОВЕК безмерной доброты, выдающийся композитор и дирижёр!

Дорогой товарищ замминистра!

От всего сердца, самым искренним образом разрешите поздравить Вас с Новым годом и пожелать Вам и Вашей семье самого наилучшего в новом году!

Жаль, что, находясь в Москве, Вы, глубокоуважаемый товарищ, не сообразовали позвонить и засвидетельствовать своё почтение.

Понимаю, понимаю. Дела, пост и т. д.

Еще раз поздравляю!

Скромный композитор

Корндорф.

Толиб Шахиди о Николае Корндорфе

«Андеграунд души!» — так сказал Николай о своей Четвёртой симфонии. Он сам являлся неким духовным символом в окружении своих друзей и коллег...

Я увидел его первый раз в классе 35 Сергея Артемьевича Баласаняна — в том самом знаменитом классе! Затем мы очень часто встречались, и навсегда, казалось бы, стали близкими друзьями. Там, на Малой Грузинской, в спортзале общежития мы играли в баскетбол и были в сборной команде консерватории...

...Из Канады он мне много лет спустя писал, что продолжает упорно заниматься спортом... (письмо от 1997 года)... Всегда простой, добрый и внимательный, он был гениальной личностью, композитором и дирижером! Мне бы очень хотелось, чтобы его сочинения звучали на фестивалях — наряду с именами С. Губайдулиной, А. Шнитке, Г. Канчели...

Николай Корндорф приезжал и в Душанбе, ходил по нашим горам... шутил и смеялся, а улыбка и глаза его были самыми красивыми и искренними! Он один из немногих моих коллег вместе с Валентином Спасским были на моем первом авторском концерте в Малом зале консерватории в 1981 году. В том концерте принимали участие замечательные исполнители: Лидия Давыдова, Александр Корнеев, Сергей Арзуманов. Николай высказал свои пожелания. Тогда его очень удивила моя пьеса для струнного квартета «Continium» и Соната № 1 для фортепиано. В этих сочинениях я впервые использовал серийную технику, но на таджикском материале... После отъезда из России в 1993 году он писал мне письма, в которых очень переживал и страстно рассуждал о нелепом, но неотвратимом распаде СССР...

Дорогой Дадајон!

Первым делом с наступающим Вас пол/веком! Я хочу Вам сказать, что Вы наидеальнейший отец, которого бы я когда либо хотел иметь — и я Вами горжусь. Я когда в школе отвечаю на вопрос «What is your farthers business?» девкам, они таят на глазах: «How!! Romantic!».

Я Вам очень благодарен за все эти годы терпеливого критического сарказма, Ваши советы и упреки по поводу моих тренировок, мировоззрения и т. д. В последнее время я стал замечать, что манера разговора у меня тоже становится сатирическая и на людей больше действует...

Ваш балет «Рубаи Хайяма» оказал идеальное впечатление на Аму-Али и Марлен. Синтез Восток — Запад оказал свою силу! И Марлен отвезла Ваши аудио-записи «Садо» «Таж-Маһал» и др. в Исламабад и регулярно слушает их, особенно часто «Садо».

Желаю успеха Вам и Вашим предстоящим концертам в Москве, С.-Петербурге и Алма-Ате, но прошу Вас так же уделить ДОСТОЙНОЕ внимание маме (о чем я ее тоже прошу) и, пожалуйста, позвоните Фирдавсу и маме из Москвы 13 марта⁹...

*****

Толибхон Шахиди

«Игра в нарды», несколько слов о режиссере

Волею случая в 2005 году я познакомился с очень талантливым иранским режиссером и оператором Мехди Бимони. Было это в Душанбе на Первом Международном кинофестивале «Дидор», одним из организаторов которого оказался он.

⁹ Фрагмент письма от нашего сына Хофиза из Карачи, где он учился в колледже от Кембриджа.

С Азалией Галиахметовой и Мехди Бимани на съёмках киноэтюдов

В тот год я возвратился из Тегерана, где несколько лет преподавал в Университете изящных искусств. Мы говорили обо всём: о современном кино, отметили успехи иранского кино, которое, кстати, широко заявило о себе в последние десятилетия; о мировой культуре и вообще философии бытия человеческого... Вскоре мы начали работать над созданием киноэтюдов, которые очень меня увлекли. Мехди как уже опытный оператор и режиссер, блестяще владеющий компьютерным дизайном, оказался и правильно «слышащим» музыку в изображении. Я предложил ему отказаться от слова «клип», поскольку звучит это как... «влип». Мы снимали киноэтюды на музыку из мировой классики — шедевры Баха, Вивальди, Ф. Крейслера, Равеля, Штрауса. Конечно, я с большим интересом стал делать проекты и под свою музыку, ранее замечательно записанную симфоническими оркестрами России, США, Австрии и отдельными исполнителями-солистами как в Душанбе, так и в Москве. Все эти годы мы работали увлеченно и с огромным энтузиазмом.

С нами работала Азалия Галиахметова — первая скрипка нашей республики, замечательный человек и музыкант. Камерный оркестр «Нагтопия тунди» при нашем театре и солисты оперы, для которых я делал свои оркестровки и переложения.

Мехди мастерски, оригинально трактует музыкальную ткань с видеорядом, при этом глубоко осмысливая, казалось бы, самые простые сюжеты из повседневной жизни города, где случайные лица, взгляд прохожего или упавшее дерево обретают свою неповторимую драматургию. Назову лишь некоторые из его кино-

этюдов, заслуживших самые прекрасные отзывы как у любителей киноискусства, так и среди профессионалов. Это «Dilkharash» — старинный маком на слова Хафиза, «Dushanbe is my life» на музыку Ф. Крейслера, поэтическая зарисовка на музыку Прелюдии h-moll И.С. Баха — А. Зилоти, «Persopolis» на музыку моей симфонической поэмы «Садо», популярную песню «Muhabat» на музыку Зиядулло Шахиди в исполнении английской рок-группы «Magin Taun», «Павана» М. Равеля, «Суфий и Будда», «Игра в нарды» два моих этюда-картины, исполненные в кадре великолепной Екатериной Мечетиной. Документальные фильмы «Четки памяти» и «Марьям» — о старце и медведице, которые много лет развлекали людей на улицах Душанбе различными сценками...

Я думаю, и без преувеличения, что работы режиссера и оператора М. Бимони оставят очень яркий след в таджикско-иранском кино- и видеоискусстве. Об этом свидетельствуют передачи телевидения РТ и Межгосударственной телерадиокомпании «Мир», а также многочисленные комментарии о замечательных киноэтюдах Мехди Бимони в интернет-сайтах.

В Культурном центре «Бактрия» участники дискуссии «Музыка и современность» (слева направо): Гульсифат Шахиди, Гульнора Амиршоева, Анора, Заррина Миршакар, Амалия-ханум, Лола Пулатова, Лариса Назарова, Майя Вахобова, Всеволод Джавад-заде

Хибла Герзмава

[О киноэтюдах «Contrast of time» на слова П. Валери и Рёкан]

...Очень красиво получилось!!! Можно было бы, конечно, видео мое получше сделать!

Но, задумка изумительная... а уж про Вашу музыку просто промолчу!!!

Это — гениально и очень чувственно!!!!

С уважением!..

Александр Атаров

Москва,
04.06.2006

Толиб, дорогой!

Пишу тебе, что называется, по горячим следам, после вчерашнего твоего блистательного выступления в Зале Чайковского. Оно воспринимается мною сейчас не просто как приуроченный к твоему юбилею великолепный концерт, но как истинный твой триумф без всякого на то преувеличения! Меня не покидает чувство радости за тебя, за то, что тебе посчастливилось создать такую прекрасную музыку, за то, что музыка эта нашла путь к сердцам стольких людей! И я абсолютно убеждён в том, что музыка эта — на все времена, что она навсегда сохранится в анналах мировой музыкальной культуры (уж прости за высокий штиль, но что есть, то есть...).

Меньше всего мне хотелось, чтобы жанр этого моего письма представлял собой что-либо типа рецензии на вчерашнее музыкальное празднество. К тому же многие прозвучавшие на нём произведения и ранее были мне известны (как, например, совершен-

С однокурсниками — композиторами Александром Атаровым и Владимиром Беляевым — на авторском вечере Т. Шахиди в Концертном зале имени П.И. Чайковского, 3 июня 2006 года

но убойная по силе воздействия симфоническая поэма «Садо» или просто ювелирно отделанный Третий концерт для фортепиано с оркестром, столь блистательно сыгранный Екатериной Мечетиной...). Поэтому я не буду сейчас обсуждать все нюансы детали вчерашнего события, сосредоточив внимание на вопросах более общего порядка. Ключевым же среди них представляется вопрос о составляющих начала твоего искусства, о его корнях и истоках получивших столь своеобразное или — как сейчас принято выражаться — «эксклюзивное» развитие.

Я бы выделил здесь два момента. Первый — это общий интонационный строй твоей музыки, её глубоко национальная основа. Каждый такт твоих композиций буквально пропитан чарующими ароматами Востока, позволяющими слушателю перенестись воображением в этот сказочный и упоительно прекрасный мир... Вторым же мне видится твой высочайший профессионализм мастера — не побоюсь сказать — мирового класса, позволяющий тебе с лёгкостью невероятной решать сложнейшие и при этом не всегда очевидные чисто технические задачи (особенно в таких весьма специфических областях, как форма и инструментовка). Если твои творческие задатки были дарованы тебе изначально, свыше, так сказать, по факту рождения, и в обладании оными твоей заслуги, в

общем-то, и нет (справедливости ради скажу, что слова эти можно адресовать любому хоть сколько-нибудь творчески одарённому человеку), то совершенное владение вторым является целиком и полностью личным твоим достижением, поскольку представляет собой явление благоприобретённое (*не могу в этой связи не отметить ту исключительную роль, что сыграла в твоём становлении Москва, и — конечно же — Консерватория, незабвенная наша alma mater...*).

Однако всего этого недостаточно для того, чтобы не потерять в безбрежных просторах музыкального искусства второй половины XX века — начала века XXI и стать тем, кем ты стал... Ибо существует ещё один весьма немаловажный фактор, без которого даже исключительная творческая одарённость, опирающаяся при этом на совершенное владение ремеслом, может, что называется, «не сработать». Я имею в виду ощущение цели (подчёркиваю — ощущение, а не осознание, ибо это не одно и то же...). Какой смысл я вкладываю в это словосочетание? Вот как я его для себя формулирую: это глубинное, на уровне бессознательного, понимание того, что ты должен делать и как именно делать... Сколько я тебя помню (а это, считай, уже 42 года...), оно, чувство это, присутствовало в тебе всегда. Пока мы, твои сокурсники, увлекались, тем, другим, третьим, экспериментировали, набивали себе синяки и шишки, ты упорно двигался в предназначенном тебе направлении, лишь по мере необходимости оглядываясь по сторонам...

Я бы не взял на себя смелость чисто терминологически хоть как-то обозначить это направление, хотя такое определение, как «неофольклоризм», представляется здесь наиболее близким по смыслу. Поскольку определение это не является общепринятым, постараюсь объяснить, что здесь имеется в виду. Мне кажется, что оно позволяет провести водораздел между композиторами, чей тематический материал почти сплошь является фольклорно-цитатным (Балакирев, скажем), и теми, национальная основа творчества которых отчётливо прослеживается и без прямого фольклорного цитирования (Яначек, де Фалья)... И уж коли слово «фольклор» оказалось так или иначе затронутым, то мне очень хотелось бы завершить это письмо одним небольшим пожеланием. Я очень хочу, чтобы в будущих учебниках истории музыкальной культуры, среди выдающихся мастеров XX–XXI веков, чьё творчество возросло на благодатной национальной почве, в одном ряду с такими изумительными композиторами, как чех Леош Яначек, румын Джордже Энеску, испанец Мануэль де Фалья, венгр Золтан

Кодай, армянин Арам Хачатурян (твой учитель, кстати...), русский Георгий Свиридов, значилось бы также и имя таджика Толибхона Шахиди. И да будет так!

Спасибо тебе, Толиб!

Твой С.А.

Сергей Кутанин¹⁰

Москва,
01.11.2008

Дорогой Толибхон!

С годами приходишь к мысли о том, что не так много удаётся встретить в жизни людей, чьё существование, чья деятельность приносит радость в твоё мироощущение самым своим фактом.

Самыми важными для меня в жизни людьми всегда были музыканты. Незабываем Арам Хачатурян, под руководством которого, в качестве артиста симфонического оркестра, мне довелось участвовать в его авторских вечерах в 1976 году.

Незабываем и очень добр ко мне был Одиссей Димитриади, друг моего деда, профессора Михаила Кутанина, первого русского музыкотерапевта и большого меломана. «Красивый человек» — как описывает Гия Канчели первое, ещё мальчишеское, впечатление об Одиссее.

Должен сказать, и в наше время есть немало хороших дирижёров. Но людей, поражающих воображение — как фон Караян, Мравинский, Бернстайн (в своей незаурядности, подобно Вам, напоминающий за пультом Димитриади) — среди них немного.

Поэтому не могу описать огромное удовольствие, которое я испытал во время Вашего авторского концерта не только от музыки, но и от самого ощущения, что здесь, в этом зале, находится человек не только талантливый, но и благородный, не только глубоко интеллектуальный, но и утончённый, дарящий тёплым светом не только внешней, но и внутренней красоты. Необычайным наслаждением было увидеть Вас дирижирующим, и в эти минуты я понял, что в этом городе, где люди мелькают тысячами теней, навсегда исчезая из нашей жизни, мне хочется снова встретить Вас...

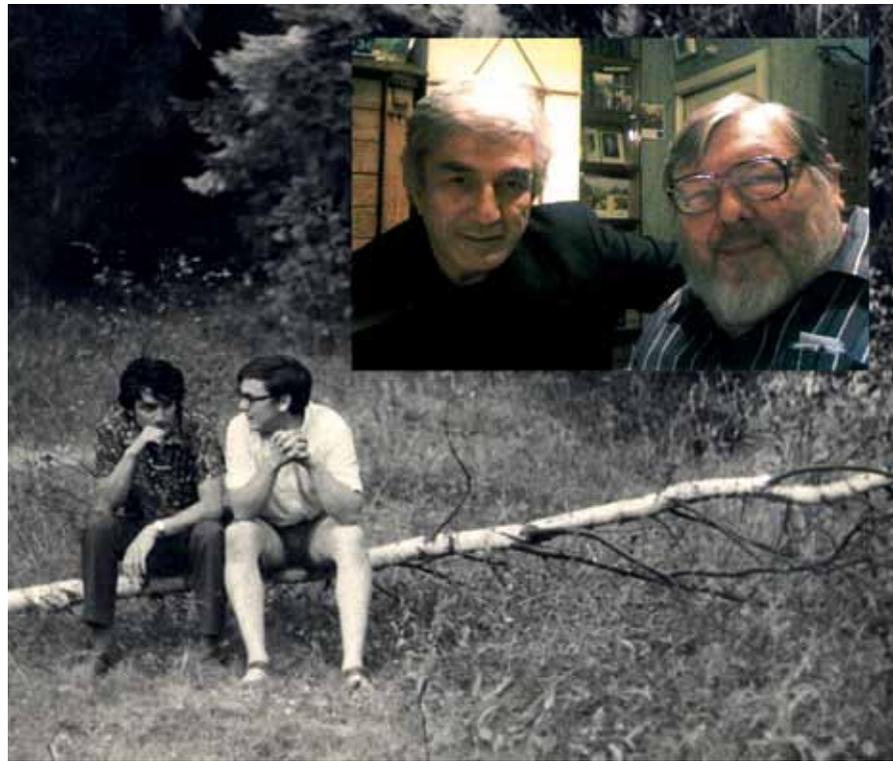
¹⁰ Кутанин Сергей — музыкант, композитор, писатель.

Валентин Спасский

Москва,
17.11.2008

Здравствуй Толиб-хон, а по-русски, привет,
мой милый друг Толибушко!

Какую же радость ты мне доставил, простыми и ясными действиями показав, что прежние ценности, и в частности, горячая заинтересованность в друге, желание ему помочь, что эти замечательные свойства существуют и сейчас, когда, кажется, рухнули все основы добродетели. Втройне счастлив от того, что эти качества живут именно в ТЕБЕ. Понимание этого, пришедшее сейчас, наполняют меня элегически светлой радостью от сознания того, что по воле высших сил мне суждено было познать в этой жизни не только настоящую любовь, но и НАСТОЯЩУЮ ДРУЖБУ.. (Для «чистоты эксперимента» оговорюсь, что мнение моё *не зависит* от того, насколько успешной окажется твоя попытка мне помочь, но вот за то, что она БЫЛА — громадное тебе спасибо..).

С Валентином Спасским в 1970 году ... в 2008 году

Надеюсь, ты хорошо прокатился то ли в Марокко, то ли в Монако, то ли ещё куда. Для нас сейчас самое главное — это чтобы во всех уголках мира, куда занесло твои семена, они бы дали хороший, цепкий и жизнеспособный росток, вслед за чем незамедлительно бы укоренились. А там уже всё будет почти автоматически: твой медальонный облик старейшины рода и отъявленного классика станет сам по себе хранить твоих внуков и праправнуков от всякого рода соблазнов и предостерегать их от заполнивших всё подлотины и похабщины. А мы с тобой, окружённые толпой, состоящей из Оли с Гулей, полузакрыв глаза, будем мысленно полуплесать упоительный танец живота, разбавляя негу этого восхитительного досуга периодическим полупоеданием ароматнейшего плова с умопомрачительной бараниной. (Похоже, на мой слог своевременный апоплексический удар тоже оказал благотворное влияние. А как ты думаешь?).

Очень просил бы тебя, голубчик, узнать обычный адрес у Валерия Кузьмича [Полянского], его обычный почтовый адрес (с индексом), поскольку интернета у меня нет. В письме я мог бы не только толково прояснить все существенные моменты, связанные с нашим контрактом, но и поздравить его с наступающим Новым годом. (Если его почтовый адрес может быть у Галахова, то годится и этот вариант, тем более что тогда можно было бы ещё раз подтвердить, что Полянский мою злополучную вещь исполнить обещал.)

Жду тебя в гости и заранее обмираю от перспективы облобызать твои суровые щёки потомка древних Саманидов. И пусть, дорогой, всё у вас с Гульсифат будет задушевно и ласково. А на Родине поцелуй от меня твою чудную маму, и скажи ей (по секрету), что у неё — просто замечательный сын...

Георгий Пелецис

Рига,
27.05.2010

Дорогой Толиб!
Поздравляю!

Замечательный, яркий, содержательный кларнетовый концерт!

Там поёт и кричит тоска, боль и красота твоей души!
Мастерская оркестровка, форма, сольная партия!

Композитор А. Кобляков, Т. Шахиди, Г. Пелецис в 35-м классе...

Прекрасное исполнение!
Я думаю, Арам Ильич был бы рад и гордился тобой!
Мне особенно понравилось акварельное, тёплое место перед быстрой кодой.
Ещё раз поздравляю и желаю много-много удач впереди!

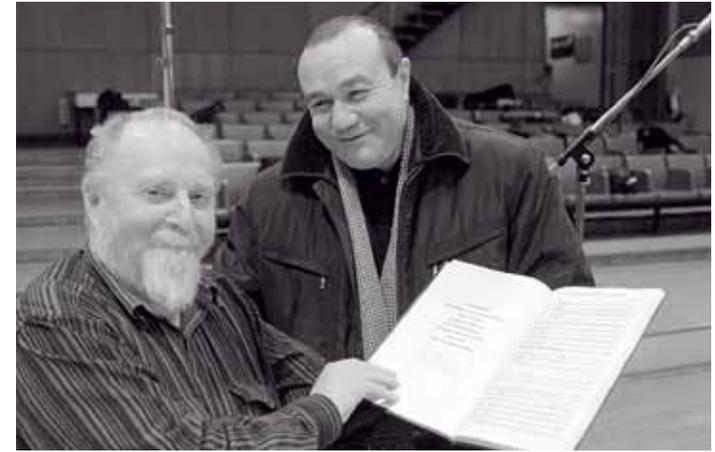
Павел Турсунов

[2010 г.]

Дорогой, Толиб З.!

С большим удовольствием просмотрел фильм «Чётки памяти» — невыразимо тёплый, душевный, с грустинкой, как и всё Ваше творчество.

Поверьте, я отношусь к Вам с большим, даже могу сказать, огромным уважением не только потому, что мне понятна и душевно близка Ваша музыка, но и потому, что Вы, пожалуй, остались единственным рыцарем, Дон Кихотом, отстаивающим честь своей возлюбленной дамы, которая скрывается под обликом Таджикской музыки. К сожалению, можно уже говорить о том, что черты

Дирижер Константин Кримец
и композитор Павел Турсунов

Павел Турсунов — самый успешный композитор из моих соотечественников в России. Его балет «Ходжа Насреддин» поставлен театром «Балет Москва» в 2007 году, дирижер — Константин Кримец. Затем сюита из этого балета прозвучала в исполнении Стамбульского государственного оркестра. Мы в своё время много работали с замечательным маэстро над музыкой к таджикским кинофильмам — и это был мастер высокого класса...

этого облика всё более и более стираются, и очевидно вскоре они совсем перестанут быть видимыми на небосклоне, именуемом «Мировое профессиональное музыкальное искусство». Так вот Вы, своей подвижнической деятельностью, своим сопротивлением отдаёте, насколько это в Ваших силах, момент кончины таджикской и симфонической, и камерной, и вокальной музыки.

Руководство республики должно молиться на вас, на то, что ещё жив человек, который не даёт сорваться в бездонную пропасть небытия тому бесценному наследию, что оставила после себя советская власть в таджикской музыкальной культуре. И мало этого — своим нынешним творчеством связывает и прошлое, и настоящее. Всей своей жизнью вы показываете всем нам, что автограф великого Хачатуряна — «Толиб, не теряйте время» — не пустые для вас слова. Могу сказать о себе, что я слишком поздно понял эту истину о трате времени.

Словом, спасибо, что вы есть, Толиб З.!

Я всегда буду Вашим искренним поклонником и младшим другом.

Привет! Толибхон, ты меня подвигнул на подвиг — не люблю эпистолярный жанр, да еще одним пальцем. Постараюсь переслать диск с того концерта — в нем есть фото. Концерто гротто мы исполнили неплохо. Совместных фото, к сожалению, я не нашел. Я просматривал справочник композиторов Таджикистана и обнаружил, что много композиторов побывало у меня дома; кстати, я опять живу в отчем доме... Только что вернулся с концерта ансамбля «Мавриги» из Бухары — полный кайф! Всё остальное тщета.

Приезжай, обнимаю.

Твой Эльдар.

Дирижер Эльдар Азимов

Толибхон Шахиди

ЭльДариаДА...

Эта записка от Эльдара Азимова — художественного руководителя и дирижера Камерного оркестра «Узбекистан». Он был первым исполнителем моих партитур для струнного оркестра и Каприччо для саксофона и камерного оркестра, а недавно, уже в 2010 году, под его руководством в Ташкенте было исполнено Концерто гротто №2 для струнного оркестра «Фирдавснаме».

Обаятельнейший человек, искренний друг и большой музыкант, всегда работает с энтузиазмом, при этом не забывая подшутить над неудавшейся музыкальной фразой, которая, как правило, появлялась исключительно по вине автора. К сожалению, мы не виделись уже много лет, не скажу сколько, и всему виной наше время, которое делает свое дело беспощадно...

Совсем недавно я написал небольшую пьесу для фортепиано и назвал ее «Чаро?» — в переводе с таджикского (фарси) «Почему?»...

Уважаемый Толибхон!

Мне искренне приятно слышать слова благодарности именно от Вас!

С такой глубиной в музыке очень редко встречаешься, а работая над Вашими произведениями, возникает ощущение, что МУЗЫКА — это ВРЕМЯ.

У Вас замечательно получается передавать время и его насыщенность, его движение (если говорить о музыке как о языке описывающем время-вечность).

Конечно же, я не теоретик (это не моя профессия), и я не хочу говорить о тематических взаимосвязях (об этом могут сказать люди более сведущие), я просто, как человек чувствующий, воспринимаю Вашу музыку как пространство, как ощущение вечности. Для меня эти чувства очень сильны.

Извините за неумение высказывать свои мысли, за косноязычность. «Мысль высказанная есть ложь...» Мне никогда не передать то, что я чувствую, слушая Вашу музыку. И я благодарен всем и всему, что способствовало нашему общению.

С искренней любовью,

Владимир Рябенко¹¹.

Слчин Адигезалов

[Баку, 2011 г.]

Дорогой Толиб-хон Зиядуллаевич!

Очень обрадовался Вашему письму, благодарю за теплые слова и воспоминания. Память о наших родителях священна.

Я помню Вас в Доме творчества, не то в Иваново, не то в Рузе. Много лет прошло...

И только сейчас судьба привела меня в Душанбе. Ситуация там непростая. Лет 20 назад в Баку мы были в том же положении.

¹¹ Звукорежиссер Мариининского театра Владимир Рябенко записывал мои произведения в марте 2011-го с симфоническим оркестром под руководством Валерия Гергиева. — Т. Ш.

С дирижером
Ялчином
Адигезаловым.
Лондон, 2012 год

Конечно, нам не безразлично то, что происходит в Таджикистане. Полагаю, мы не останемся безучастными. Ведь нас многое связывает...

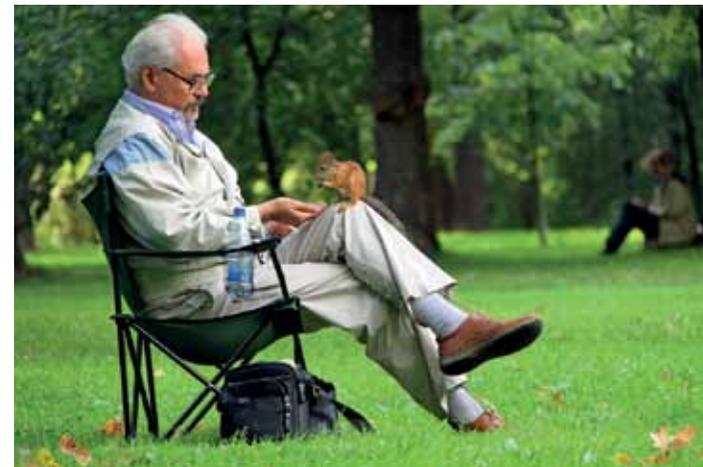
С удовольствием прослушал отрывок из балета. Вы превосходно использовали интонации мугама Шюштер. Этот раздел мугама называется Молеви. Шюштер образовался из мугама Хумайун (Райская птица). Оба мугама входят в большую семерку основных Азербайджанских мугамов.

Буду признателен, если сочтете возможным предоставить партитуру балета для ознакомления. Возможно, имеется DVD или CD музыки. Я мог бы предложить руководству нашего театра.

Всего Вам самого наилучшего,
с уважением, Ялчин Адигезалов.

Наши московские друзья Владислав и Татьяна Соловьёвы...

Алексей Лопатин¹²

Санкт-Петербург,
13.01.2012

...Влюбился в вашу музыку давно, еще с советских времен. Тогда обратил внимание на дивные саундтреки (как теперь говорят, а раньше это просто называли звуковыми дорожками) к некоторым таджикским фильмам. Никогда не думал, что Вы автор этой музыки. В эпоху глобальных разрушений Вы сумели построить удивительный мир неповторимых звучаний, выросли в великого композитора. Теперь в эру интернета есть возможность слушать Ваши произведения и проникать в их глубины. Желаю Вам долгих лет жизни и новых творческих откровений...

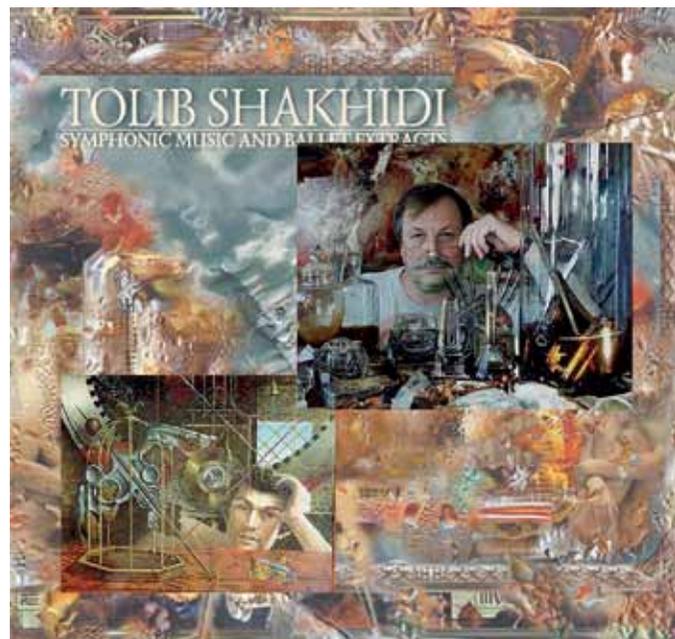
¹² Лопатин Алексей — искусствовед.

Диплом Международного кинофестиваля. Бельгия

Alma mater. Афиша

CD: Т. Шахиди. Симфоническая музыка.
Оформление художника Константина Худякова

Фото Мехди Бимани

*Ты видишь: время старит всё, что нам казалось новым,
Но время также молодит деяния былые...*

Рудаки

Судить о творчестве создателя можно по его достижениям. Относительно Толибхона Шахиди можно смело констатировать, что оригинальность и неповторимость творческого почерка композитора основана на позитивной идее интеграции лучших традиций разных культур. Неизменным оставалось одно — национальные истоки, та почва, без опоры на которую нельзя создать достойное.

Роль Т. Шахиди в истории таджикской музыкальной культуры трудно переоценить. Работая в разнообразных музыкальных жанрах, используя в качестве первоисточников литературные явления мировой культуры, композитор внес свой достойный вклад в создание таджикской оперы, таджикского балета, таджикской симфонии, таджикской киномузыки... Композитора отличает не только обращение к разнообразным жанрам музыки, но и внимание к разным возрастам слушателей. Очевидно, это следствие другой давней традиции восточной культуры — жизни в кругу большой семьи, где одновременно представлены несколько поколений семьи: отцы, сыновья, внуки, правнуки...

Важной стороной творчества Шахиди является её интернациональность: его музыка воспринимаема и понятна на любом континенте, в любой стране. Международные проекты, в которых участвует композитор, вносят существенный вклад в процесс интеграции культурных традиций мира. И если учесть, что после распада СССР и создания суверенного государства таджикская композиторская школа по сути замкнулась в поисках национальной сущности и представлена в лучшем случае на азиатских форумах, то фигура Т. Шахиди и по сей день выступает «послом мира» древней культуры таджиков в мировом культурном пространстве.

Лола Джуманова

Мама

Мунира Шахиди — директор Республиканского музея музыкальной культуры имени З. Шахиди

З. Шахиди, Т. Шахиди и В. Некрасов на записи музыки к фильму. Москва, 1974 год

Зиядулло Шахиди и Юрий Тер-Осипов. 1964 год

Толиб и Гульсифат Шахиди, Тихон Хренников
на Международном фестивале музыки. Алма-Ата, 1984 год

Дни культуры Республики Таджикистан.
Москва, Дом Музыки, 2005 год

А. Абдурашидов, Т. Шахиди, З. Халилова, Б. Меробов.
Москва, Дом Музыки. 2005 год

Лариса Костюк и Михаил Давыдов. МЗК, 16 ноября 2013 год

Н. Борисоглебский, А. Соловьёв и Камерный хор Московской консерватории.
16 ноября 2013 года

Т. Шахиди в МЗК. Москва, 2013 год

Вазген Вартанян. Премьера Рапсодии. Кремлёвский дворец, 2013 год

С сыновьями. Лондон, декабрь 2013 года

Книжное издание

Толибхон Шахиди

ВРЕМЁН КОНТРАСТЫ

Интервью, статьи, письма, фотографии

Художник М. Цветкова

Редактор Э. Плотица

Дизайн и компьютерная верстка Е. Вороновой

Форм. бум. 70x100 1/16. Печ. л. 7,5.

Уч.-изд. л. 8,25. Изд. № 11784.

Тираж 300 экз. Цена договорная.

Издательство «Композитор»
Москва, Юрьевский пер., д. 13-А.
www.ikompozitor.ru